

Артем Тихомиров

Чрезвычайный и полномочный

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3001275
Чрезвычайный и полномочный: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54279-6

Аннотация

Благородный виконт Талиесин Эпралион, попав в немилость у короля Тиндари, сослан чрезвычайным и полномочным послом в Диккарию - грубую страну варваров. Путешественников там, по слухам, едят, предыдущий посол Тиндари пропал без следа, его предшественника просто прирезали, не особенно задумываясь о дипломатической неприкосновенности, а того, что был до него, сварили в кипятке.

Добравшийся до места виконт выясняет, что положение дел гораздо хуже, чем представлялось ему поначалу, ибо в суровых варварских землях не водятся тонких кушаний, прелестных любовниц, светских собеседников и изящных вещиц. Есть и другие, менее значительные пустяки, отравляющие благородному послу наслаждение жизнью: выбирается из своего логова разбуженный кем-то свирепый монстр Грендель, сеющий повсюду смерть и разрушение, а в столице Диккарии происходит колдовской дворцовый переворот. И кто бы мог подумать, что именно впавший в отчаяние от сурового быта неженка Талиесин, с трудом способный поднять самую обычную многопудовую секиру, станет главной фигурой, противостоящей обрушившимся на варваров напастям...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	41
Глава 9	48
Глава 10	53
Часть вторая	55
Глава 1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Артем Тихомиров

Чрезвычайный и полномочный

Часть первая

Глава 1

Карета, хотя и снабженная особо прочными осями и колесами, медленно, но верно проигрывала битву с бездорожьем.

Поначалу – еще в Вейлимонде – она весело подпрыгивала на ухабах, словно радуясь путешествию, но примерно через неделю, столкнувшись с тем упрямым фактом, что севернее границы королевства существует только пересеченная местность, растеряла свой энтузиазм. С каждый разом ее вздрагивания все больше напоминали конвульсии. Корпус натужно скрипел, жалуясь на жестокую судьбу.

Лошади, тянувшие это издыхающее произведение каретного искусства, тоже выглядели невесело. Они давно смекнули, в какие края заносит их злой рок, и потеряли всякую надежду вернуться когда-нибудь домой.

Крайний пессимизм сквозил в каждом лошадином движении – это мог заметить даже самый неопытный взгляд.

Содержимое кареты, состоявшее из двух мрачного вида пассажиров, не издавало ни звука. Высокородный аристократ с постной физиономией и его слуга, дроу с угольно-черной кожей и снежно-белыми волосами, хранили стоическое молчание.

Мысли их, при всей разности мировоззрения и воспитания, сводились к одному: оба понимали, что добром поездка не кончится.

Так оно и случилось.

Через Перевал Дробленых Костей карета с грехом пополам перемахнула, но, спустившись в очередную долину, решила, что с нее хватит.

Когда случилась катастрофа, Талиесин, новоиспеченный посол Тиндари, как раз высунулся в окно. Он уже видеть не мог эти суровые «поэтические» пейзажи, эти горы, покрытые вереском холмы и леса – тошнило... но надо же было хотя бы примерно определить свое местонахождение...

Сделать это ему не удалось. Задняя ось с треском сломалась, напугав лошадей, и экипаж накренился на правый бок. Лошади дернулись. Передняя ось сломалась тоже. Талиесин успел только вякнуть что-то невразумительное, как почувствовал, что вылетает наружу, целя в глубокий овраг, наполненный грязной водой.

Плюх!

Вода оказалась холодная и отвратительная на вкус.

– Господин! – воскликнул дроу, держась из последних сил.

Карета остановилась. Чемоданы и кофры, привязанные веревками и ремнями к задней части экипажа, в большинстве своем рассыпались кто куда.

Кучер, едва не повторивший подвиг своего хозяина, удержался на козлах только чудом. Его терпению тоже пришел конец, и он выругался. Это вполне соответствовало катастрофическому моменту.

Черныш выскочил из кареты, бросаясь господину на помощь, и храбро прыгнул в овраг.

Из недр оврага долетали ужасающие звуки. Позабыв о своем происхождении, славе эстета и чистюли, Талиесин изрыгал невиданные ругательства.

Виконт стоял по колено в воде, расставив руки и любясь, во что превратился его наряд.
– Господин... – Черныш суетился вокруг него.

– Уйди с глаз моих! – взвыл Талиесин. – За что? За что мне такое наказание?

Но дроу не ушел. Он отлично знал своего хозяина, потому как служил ему уже десять лет, и просто повел его за руку наверх. Вдвоем они выбрались из оврага.

Кучер стоял возле кареты и скорбел.

– Вытри мне лицо, Черныш, – сказал Талиесин, держа руки растопыренными. С его одежды – сюртука, штанов, сапог и плаща – стекала жидкая грязь. И хуже всего, она стекала и с головы, превратив парик и лицо виконта в нечто неопишемое...

Талиесин сплюнул, содрогаясь от отвращения.

Невероятно – у него во рту самая настоящая грязь! В том самом рту, который привык вмещать в себя дорогие изысканные вина и восхитительные яства, о которых барды слагают песни!..

Голубые глаза Талиесина горели ярко, словно огонь в доменной печи. В них было столько отчаяния, что его хватило бы на целое королевство, населенное безутешными вдовами.

– Мы умрем! Вот прямо здесь!

Черныш вытащил платок и принялся вытирать аристократическое лицо хозяина с такой заботливостью, какой позавидовала бы и иная мамаша.

– Не думаю, господин, – ответил дроу. – Я понимаю, как вы расстроены, но это всего лишь земля, разбавленная водой с неба! Бывает и хуже.

Талиесин посмотрел на него, словно тот вдруг превратился в женщину, и оттолкнул.

– Негодяй! Как ты смеешь подслащивать пилюлю? Посмотри на меня! Это конец! Все! Я пойду домой пешком... Да! И если доберусь живым, то пусть король хоть съест свою задницу от злости, мне плевать!..

Виконт резко развернулся и широкими шагами двинулся в направлении, противоположном тому, куда, собственно, держал путь.

Черныш подождал, не надоест ли Талиесину истерика, но тот, кажется, решил посоревноваться упрямством с ослом. За короткое время он преодолел шагов сто.

Дроу обменялся взглядом со скромно топчущимся у кареты кучером и побежал за господином.

Уговорить его взглянуть на вещи под другим углом зрения было нелегко.

Покуривая трубку, кучер долго наблюдал, как вьется вокруг Талиесина Черныш и как тот размахивает руками и кричит, как баньши, и порывается убежать в сторону перевала.

Наконец хрупкий компромисс был найден.

Есть много способов, каким монарх может выказать подданному свою немилость.

Например, гильотина. Чуть что не понравилось – извольте, сударь, распрощаться с головой.

И тут уж несчастному остается уповать на собственную смелость и выдержку, чтобы встретить Смерть достойно, лицом к лицу. Всякие конфузы на эшафоте бывают, знаете ли...

Но это экстремально, и сейчас к этому, особенно в цивилизованных королевствах, редко прибегают. Прогресс не стоит на месте, и идеи прав человека, эльфа, гнома и прочих все сильнее завоевывают умы широкой общественности. С этим фактом короли ничего поделать не в состоянии, а потому вынуждены изобретать более изощренные расправы с неудобным.

Можно, к примеру, посадить его под домашний арест, можно назначить на низкооплачиваемую должность, где никто не даст ему даже самую маленькую взятку, или женить насильно на какой-нибудь уродине.

Король Дэндал поступил оригинальнее. Для Талиесина, так некстати влюбившегося в его фаворитку, мадемуазель Монсиваль, он придумал нечто поистине ужасающее.

Изобретательный ум правителя верно ухватил главную мысль: смерть для негодя будет слишком легким наказанием.

Монаршая логика работала на полную катушку.

«А давай, – сказала она, – лишим виконта привычного образа жизни, заставим его окунуться в другую среду, где он не сможет удовлетворять свои аристократические инстинкты, среду настолько чуждую, что для «белой кости», рожденной в высших слоях общества, она будет практически смертельна...»

Дэндал потер руки.

Да! Это правильная мысль, гениальная мысль!..

Оставалось решить, в какое такое место засунуть Талиесина, чтобы заставить его раскаиваться в своей наглости – заодно и подальше от мадемуазель Монсиваль.

Думал король недолго. Злодейства всегда зреют куда быстрее, чем планы благородные, и обустроиваются в сознании автора с куда большим комфортом.

– Позвать ко мне виконта Эпралиона! – распорядился монарх.

Талиесин хорошо помнил тот день. Воистину, новость, которую он узнал, была хуже смертного приговора.

Стражники вытащили его из дворцовой комнаты, куда он был помещен под арест, и доставили, не мешкая, по адресу.

– Мы решили твою судьбу, – сказал Дэндал, обмахиваясь веером. – Мудрость, дарованная нам богами, помогла найти наилучший выход из щекотливого положения... – Монарх воззрился на стоящего посреди комнаты Талиесина, уши которого горели, как факелы.

Монарх невозможно косил – этот его недуг, заработанный в детстве после столкновения с каменной стеной, не смогли вылечить ни лекари, ни маги.

Со временем Дэндал стал даже гордиться этой, без сомнения, бросающейся в глаза чертой своего облика.

Она неплохо сочеталась с его перекошенными сколиозом плечами и кривой шеей.

– Тебе ведь хочется узнать, что именно мы придумали? – спросил король, бросая корм рыбкам в большом аквариуме.

– Все, что решит ваше величество, я приму со смирением преданного слуги, – ответил Талиесин.

«Сапоги не чищены, – с тоской подумал он, – сюртук не дали надеть, оглоеды... сорочка мятая, и воняю я, должно быть, как боров!»

– Хорошо. – Дэндал воздел длинный нос к портрету своего папочки, занимавшему половину стены.

Папочка, он же король Анрид II, взирал с холста с выражением невыразимого страдания на лице. Талиесин знал, в чем тут дело. Художник просто не мог не отразить мучения, что приносили его величеству подагра и несварение желудка.

Три года назад они-то и скрутили прежнего монарха так, что бедняга оказался в могиле.

– Ты понимаешь, виконт, что после того, что было, мы не можем оставаться с тобой в одном городе. – Он указал на Кинмирсил, часть которого виднелась в распахнутом окне. – Я уехать не могу, ибо на плечах моих забота о королевстве и моих подданных. Кто же еще проследит за тем, как эффективно проводится программа по повышению налогов? Ведь за чиновниками нужен глаз да глаз.

«Это точно, – подумал Талиесин. – Особенно такой».

– Поэтому уедешь ты. Мы поручаем тебе важную и ответственную миссию, виконт. У тебя появится возможность принести пользу своей стране на поприще посла. Устанавливать и поддерживать контакты с другими народами и расами – что может быть благороднее?

Если это был вопрос, то Талиесин не знал на него ответа.

Точнее, не хотел знать. Целью его жизни уж точно *не было* принесение пользы кому бы то ни было, кроме себя.

Мурашки поползли у него по спине.

– Простите, ваше величество, вы сказали что-то насчет...

– Верно. Ты отправляешься в Диккарию, чтобы стать чрезвычайным и полномочным послом. – Дэндал посмотрел на виконта с торжеством: ну, разве я не гений? – Надеюсь, очень надеюсь, ты рад. Мало кто устаивался подобной чести.

Талиесин словно воды в рот набрал. Ожидать публичной казни – это одно, но узнать, что тебя «помиловали» таким вот образом – совсем другое...

– Я не слышу, – довольно грозно произнес король, глядя на виконта. Во всяком случае, предполагалось, что он смотрит на него, но на самом деле один его глаз изучал дверь, другой потолок.

– Я... я очень рад, ваше величество, – промямлил Талиесин.

– Отлично! – Король хлопнул в ладоши. Виконт вздрогнул, отчаянно надеясь, что все это только шутка.

Вскоре выяснилось, что ничего подобного. Дэндал вытащил из большой резной шка-тулки бумагу с указом и протянул ее виконту.

– Видишь, все по закону, – улыбнулся король. – Имей в виду, дел у тебя в Диккарии будет множество. Так сложилось исторически, что с варварами у нас долгое время были натянутые отношения. Ни мы, ни они не забыли нашего прошлого, не забыли войны, разбой и прочие прелести соседства... Последняя заварушка была триста лет назад, если ты помнишь, и тогда мы заключили мир. С той поры и сохраняется шаткое равновесие между сторонами. Есть мнение, что варвары, окрепнув за это время, могут снова вернуться к мысли о широкомасштабном набеге. Нам по многим причинам хотелось бы этого избежать. Твоя задача – изучить эту проблему всесторонне и сделать все, чтобы отвести возможную угрозу. Я ясно выражаюсь, виконт?

– Да, ваше величество. – Талиесину казалось, что он – школьник, которого отчитывают за подложенную на стул учителя кнопку.

Мир перед его взором пытался вальсировать.

– Без сомнения, достойные эльфы возглавляли в прошлом нашу миссию, но не слишком удачно. Последний посол пропал пять лет назад, и до сих пор мы не могли найти ему замену. Теперь проблема решена. Поздравляю тебя, Талиесин.

– Спасибо, ваше величество. Когда прикажете отправляться?

Король взял пару минут на размышление.

– Послезавтра.

Виконт прикусил язык.

Жизнь его с треском и грохотом, словно дом, смытый селевым потоком, съехала в бездонную яму.

– Теперь иди. Инструкции получишь от канцлера сегодня вечером.

Талиесин хотел заметить, что разбирается в дипломатическом искусстве так же, как медведь в бальных танцах, но не осмелился.

Наигранное благодушие монарха, скорее всего, означало, что на самом деле он мечтает уничтожить виконта на месте.

Да, ничего более дьявольского Дэндал придумать просто не мог.

Теперь весь двор будет потешаться над Талиесином, его сделают героем анекдотов и гнусных пасквилей. Его имя предадут позору, как случается со всяким, кому король официально выдал патент на опалу.

Талиесин вышел от короля, еле переставляя ноги.

Глава 2

Черныш в компании с кучером распрягали четверку лошадей и пытались придумать, как быть дальше.

Талиесин в этом не участвовал – с какой стати он должен якшаться с простолюдинами? – и сидел в сторонке.

Он завтракал. Прямо на зеленую траву поставили столик и стул, и Черныш подал хозяину ножку цыпленка, салат, красную икру, персики и белое вино.

Перед виконтом расстилалась долина, ограниченная с четырех сторон невысокими скальными гребнями. Дно ее было почти ровным, за исключением нескольких покрытых травой холмиков и пары-тройки нехороших оврагов.

Переодевшийся и с грехом пополам умытый посол поглощал свой завтрак и не чувствовал вкуса.

Свершилось. Он оказался в дикой стране варваров. Созданий, как всем известно, свирепых, необузданных, не знакомых с хорошими манерами.

Талиесин был уверен, что никто из них и слыхом не слыхивал о носовых платках, и это расстраивало его не меньше, чем тяжкая мысль о разлуке с Ойлой.

Сунув руку за пазуху, виконт вытащил из кармана медальон, изготовленный неким ювелиром как раз накануне катастрофы. Раскрыв безделушку, можно было увидеть внутри портрет прекрасной фемины. Сотворил его с большим искусством придворный художник, не погнушавшийся взять с Талиесина целый кошель с золотыми монетами.

«Скопидом! Скотина неумытая! А еще клялся, что живет исключительно Музой своей...»

Зато Ойла была словно живая. Разглядывая ее, Талиесин почувствовал, как его глаза увлажняются, а в носу пощипывает.

Образ возлюбленной, что так бесцеремонно брошена судьбой в объятия этого косоглазого негодяя, был единственной ниточкой, что связывала Талиесина с его родиной. Со всем, что он знал, любил или полюбить собирался.

Светочем во тьме варварской стал портретик девушки, и хранить его виконт поклялся себе во что бы то ни стало.

Судьба жестока, но иногда все-таки дает шанс. И, вероятно, когда-нибудь мечта Талиесина осуществится – и они снова будут вместе...

Порыв ветра вырвал из руки виконта кружевную салфетку. Она отлетела на несколько шагов, упала в траву, а потом закувыркалась дальше.

Талиесин проводил ее тоскливым взглядом и откусил кусочек холодной цыплячьей ножки.

Нет, пища определенно не имела вкуса. Как папье-маше. И вино кончается. И другие запасы, невзирая на экономию, уменьшались с катастрофической быстротой.

Виконт бережно спрятал медальон во внутренний карман бархатного сюртука с галунами.

Тучи сгустились над долиной, намекая на скорые осадки, но посол продолжал завтракать. Назло всему. Игнорируя явное усиление ветра и замерзший нос, Талиесин стремился показать, что ничто не способно испортить его реноме.

Орел, долго круживший в вышине и разглядывающий острым взором цыплячью ножку на тарелке виконта, выпустил струю и удалился.

Отходы птичьей жизнедеятельности пролетели не менее ста метров. При залпе орел, опытный пилот, учел и силу, и направление ветра. К тому же глазомер у него был великолеп-

ный. Вонючая серо-желтая масса угодила Талиесину прямо в лицо, когда он пытался смаковать вино, воображая, что сидит у себя в поместье перед камином...

Такой наглости виконт, конечно, не ожидал, но следующая превзошла и эту.

Ураганный порыв ветра одним толчком перевернул столик со всем его содержимым и отбросил шагов на пятьдесят.

Салат и красная икра разлетелись по траве так красиво, словно над ними поработал приснопамятный придворный художник.

Талиесин, впрочем, не в состоянии был оценить натюрморт.

– Черныш!!!

Вопль, напоминающий крик отходящего в мир иной снежного барса, пролетел по долине.

Дроу уже спешил на помощь.

Черныш умел читать, поэтому виконт поручил ему сунуть нос в энциклопедию. Сам Талиесин книги на дух не переносил – с тех самых пор, как прошел обязательный для всех детей аристократов курс домашнего обучения.

В полном расстройстве чувств он уселся в кресло, повернутое в сторону окна, и положил ногу на ногу.

Длинные волосы цвета спелого меда лежали на плечах виконта и обсыхали после принятой ванны. К тому ж благоухали жасмином.

«Не мешало бы сделать педикюр... Ну, да времени уж нет...»

– Читай, Черныш.

Дроу нашел нужный раздел, посвященный географии Тиндарии и сопредельных территорий.

– «Диккария – страна диких племен, населенная, как явствует из названия, дикарями, сиречь существами, гуманоидными по сути, но пакостными и грязными по определению. Однозначно и бескомпромиссно враждебные всем остальным народам, особенно эльфам, варвары ведут в основном разбойничий образ жизни. Варвары – сильные и неутомимые воины, способные совершать длительные переходы в полной боевой выкладке, неприхотливые к условиям быта и еде, хотя, по признанию всех исследователей, всегда не прочь набить брюхо поплотнее. Говорят диккарийцы на Всеобщем языке, однако диалектная картина этой страны до сих пор неясна ввиду отсутствия данных. Последняя этнографическая экспедиция в Северные Земли так и не вернулась, и есть гипотеза, что варвары ее попросту сожрали...

Виконт почувствовал подступающий к горлу ком. Дроу сделал паузу, наблюдая за господином.

– Дальше, Черныш... Где эта Диккария находится хоть?

– Диккарией, – продолжил дроу, – традиционно считают северо-западную часть Северных Земель. Условно занимает она территорию от границы с Тиндарией на юге до Зимнего моря на севере и северо-западе, и от Базальтовых Зубов на востоке до Троллевых Столбов на западе...

Черныш подошел и протянул господину вложенную в энциклопедию карту. Виконт взял ее осторожно, словно это была потная вонючая стелька. В целом почти так карта и выглядела.

Навыки старинных картографов оставляли желать лучшего. К тому же создавалось впечатление, что рисовал ее безвестный художник в состоянии сильного похмелья, когда руки живут собственной жизнью и творят что хотят.

Кошмар да и только.

Виконт пытался определить, где Северные Земли, и потратил на это немало времени, сообразив, наконец, что держит карту вверх тормашками.

Земли нашлись, но были настолько корявыми, что трудно было понять, как в них мог кто-то жить, даже неприхотливые варвары.

В общем, шедевр картографии несколько не расширил представлений Талиесина о том, как устроена эта часть мира. Лишь Тиндарию художник изобразил тщательно и не ошибся с написанием – тут наверняка сыграл свою роль патриотизм.

– Основа экономики Диккарии – забой китов, моржей, морских котиков и прочих водоплавающих, овощеводство, охота. А также набеги на соседей с целью захвата добычи, – читал Черныш. – Дипломатические отношения между Тиндарией и страной варваров были установлены в тысяча сто двадцать пятом году от Великого Становления Силлоном Кираном после Грязной Войны и...

Черныш вытащил из энциклопедии очередную вложенную картинку и передал ее господину.

Виконт взял в руки не менее отвратную, чем карта, бумажку и уставился на изображение орка.

– Варвар обыкновенный, разбойничий, – прочитал он, кривя губы. – Ужас...

С картинки на него пялилась страхолюдина с большим зубастым ртом. Одета она была в подобие кожаных доспехов и шкуры. В одной лапе варвар держал связку отрубленных голов, в другой – громадный окровавленный нож.

Одного вида этого существа было достаточно, чтобы виконт ощутил, как позвоночник сковывает холодом.

В одной из голов связки он даже разглядел свою собственную.

– Слушай, Черныш, как ты думаешь, нас сразу убьют, когда мы въедем в Диккарию, или заставят помучиться? – спросил упавшим голосом Талиесин.

Дроу оторвался от книги, которая весьма его интересовала, и удивленно посмотрел на господина.

– Вообще-то, существует такая вещь, как дипломатический иммунитет, – сказал он. – Посол и его окружение защищено особым законом, который стороны обязаны соблюдать. В этом вся суть дипломатии. Как бы враждебно ни относилось население страны пребывания к посланнику, его никто не смеет и пальцем тронуть.

Талиесин отшвырнул от себя картинку.

– Не думаю, что эти... уроды знают о существовании международного права. Может быть, Дэндал как раз на это и рассчитывает?... Скажут потом, что произошла неувязка, и, чтобы не поднимать шума и не портить отношений между странами, спустят на тормозах... А тем временем мы будем лежать в какой-нибудь выгребной яме. Точнее, то, что от нас останется после шумного пира. То есть кости.

Дроу внимательно посмотрел на господина и понял, что тот и не думает шутить. Прошли времена, когда Талиесин был одним из самых остроумных представителей аристократии в королевстве. Чтобы в том убедиться, достаточно было взглянуть на его физиономию. Виконт словно мыла наелся.

– Простите, но вы слишком пессимистично настроены.

– Но скажи – ты доволен тем, что отправишься в самое логово тьмы? В обитель варварства и беззакония?

Черныш задумался.

– Мой долг следовать за вами куда угодно, виконт. Я не буду утверждать, что меня ничто не держит в Тиндарии. У моей сестры много детей, она вдова, и ей нужна моя финансовая помощь. Почти все мое жалованье уходит на то, чтобы содержать племянников. Если меня съедят, это будет для них немалое огорчение...

Талиесин вздохнул. Что верно, то верно, «немалое» – это еще мягко сказано.

«А вот станет ли Ойла плакать обо мне, когда я умру?»

– Если хочешь, я отпущу тебя, – предложил он, – ты не раб, а свободная личность, поэтому вправе попросить аннулировать наше соглашение.

Черныш, кажется, расстроился.

– Не соблазняйте меня, господин... Мне нелегко далось решение следовать за вами, но час назад я уже распорядился относительно судьбы моего имущества и жалованья. Написал завешание, где все отдаю сестре.

– Это очень благородно, Черныш. Ты молодец. – Новый вздох. – Будь у меня кто-то, кому я бы мог передать все свои замки и пастбища... Но ведь даже Ойлу у меня король отобрал.

Дроу тактично уклонился от комментариев. Талиесин слыл тем еще бабником, и для того, чтобы заарканить очередную понравившуюся красотку, не гнушался самыми сомнительными методами соблазнения.

С таким отношением к жизни и противоположному полу, считал Черныш, трудно завоевать чью-то любовь по-настоящему.

История с Ойлой была логичным концом приключениям вертопраха Талиесина. Рано или поздно коса на камень все равно нашла бы, в этом Черныш не сомневался, так что воспринимал перемены в жизни господина (и себя), в общем, нормально.

Талиесин легко отделался. Еще неизвестно, что представляет бóльшую опасность – разъяренный, явно не в своем уме король или дикари-разбойники.

Черныш, исполненный жизненной мудрости, полагал, что улизнуть из Тиндари на время самый лучший выход, а там, глядишь, пыль уляжется и судьба подарит Талиесину шанс на возвращение.

– Налей вина, будь добр, – попросил виконт. – И себе тоже. Проводим в последний путь нашу старую вольготную жизнь.

Эльф и дроу выпили, молча перебирая собственные думы.

– Ну, читай дальше. Что там еще есть про Диккарию?

Глава 3

Сведения, почерпнутые из энциклопедии, не в состоянии были подготовить Талиесина к тому, что его ждало впереди. Реальность оказалась куда хуже любых пессимистических прогнозов.

До приграничного города Вейлимонда, стоящего на самой северной оконечности Тиндари, Талиесин и Черныш доехали без проблем.

Это были пять дней веселого путешествия по приличным дорогам, остановок в дорожных трактирах и гостиницах, обедов с лучшими яствами и винами, прогулок с провинциальными барышнями, переходящими в легкий, а иногда и не очень, флирт... За пять дней Талиесин завел шесть романов и бросил, испарившись поутру в туманной дымке, шесть превосходных девушек.

Сделал он это походя, ибо не имел привычки задумываться о последствиях. На случай неприятностей у него всегда была под рукой отличная фамильная шпага, при помощи которой он отправил на тот свет немало соперников.

В общем, виконт вел себя так, как привык, и по-другому просто не умел.

В Вейлимонде, согласно документам, выданным министерством иностранных сношений Тиндари, местные власти должны были предоставить виконту все то, что значилось в весьма немаленьком списке. А также привлечь для дипломатических дел кучера, который бы мог отвезти нового посла в страну варваров.

Новость о том, что в Диккарию едет новый представитель, мигом облетела город. Местное дворянство собралось проводить Талиесина, и в честь его даже устроили банкет. Результатом банкета стало утреннее похмелье и лежащая в кровати рядом с Талиесином девица, на проверку оказавшаяся дочерью местного банкира.

Пришло время рвать когти – благо все было готово.

Быстренько собрав барахлишко, Талиесин и Черныш слиняли из гостиницы и прибыли на каретный двор, где их ждал Начальник Транспортного Цеха, зевающий гном с кучей бородашкой.

– Даю вам самое лучшее, самое крепкое, – сказал он, раздирая рот ежесекундно.

Талиесин осмотрел карету, которая больше напоминала катафалк для великана – такой мощной у нее была подвеска.

– Бездорожье, – коротко прокомментировал гном.

Тогда виконт смутно представлял себе, что это такое.

Вещи – чемоданы и кофры с одеждой и все прочим необходимым – уже были упакованы, так что ничто не задерживало путников.

Попрощавшись с небом Тиндари, с землей Тиндари, с травой Тиндари и Начальником Транспортного Цеха, посольство выехало за ворота и устремилось на север.

Через пограничный пост, где стражники зевали не хуже гнома-каретника, проскочили без проблем. Во всяком случае, позади не было видно толпы разъяренных местных жителей, жаждущих крови соблазнителя невинных банкирских дочерей.

Хорошая дорога заканчивалась шагах в ста от ворот Вейлимонда. Как только четверка лошадей проскочила отчетливо различимую границу, карету трянуло так, словно ей на крышу сбросили скалу.

Талиесин и Черныш буквально подлетели на своих сиденьях и оказались на полу. Поначалу это было даже забавно, и оба радовались необычным ощущениям, однако чем дальше посольство углублялось на дикую территорию, тем удовольствие уменьшалось, пока совсем не исчезло.

Уже тогда Талиесин гадал, на сколько хватит кареты с укрепленной подвеской и что делать, если авария все-таки случится.

Как выяснилось позже, на неделю, за которую удалось преодолеть, судя по картам, без малого шестьдесят процентов пути.

Дикая и неосвоенная, суровая во всех отношениях земля простиралась вокруг.

Глазу цивилизованного эльфа не за что было зацепиться. Ни городков, ни деревень, ни отдельно стоящих строений. За семь дней мучительного путешествия Талиесин забыл даже, как должны выглядеть жилища. Любые жилища. Он не ждал ничего сногшибательного, но был бы рад хотя бы самой жалкой лачуге.

Словом, Талиесин до тошноты насмотрелся на горы, долины и холмы, а впереди, судя по всему, этого добра было еще больше – плюс морское побережье, на котором, приткнувшись к Бормо-фьорду, стоит Рыгус-Крок, столица Диккарии.

От такой мысли виконт терял аппетит и проклинал судьбу и ее орудие в лице Дэндала. Вот его самого бы сюда послать!

Погода тоже радовала несказанно. Большую часть пути шел дождь. Иногда этот дождь приходил с севера, иногда с юга, иногда с востока или запада. А еще, бывало, сразу со всех сторон. Ветер нес на своих плечах громадные массы воды, из-за которых земля раскисала, как тесто, и ехать по ней было невозможно.

В такие моменты, естественно, приходилось искать укрытие. Везло, когда рядом оказывалась пещерка, не везло, когда не оказывалось. И только то обстоятельство, что колеса кареты плотно увязали в грязи, не давало ветру перевернуть ее вверх ногами.

Вслушиваясь мрачными ночами в громы и молнии, Талиесин приходил в ужас. Его разум пребывал в глубоком ауте.

«А ведь это, – подсказывала жестокая интуиция, – лишь Начало!...»

Верховая прогулка ничуть не развеяла мрачного настроения Талиесина.

Лошадей выпрягли, одну, что посильнее, нагрузили барахлом, которое вез с собой виконт, а других использовали по прямому назначению. Правда, седел не было, ехать пришлось прямо так. Подумав, что станет с его дорогими штанами, когда лошадиный пот пропитает их насквозь, виконт тяжело вздохнул.

Из долины выбрались быстро, и в тот же момент начался дождь. Даже ливень. Ветер, пользуясь своим излюбленным методом, бросал воду в путников со всех возможных направлений.

Тучи снизились настолько, что стали задевать вершины скал и рвались на кусочки, каждый из которых соревновался с собратом, кто обильнее опорожнится.

Талиесин застегнул воротник кожаного плаща до самого носа, надвинул треуголку на брови. Капли весело стучали по его голове, словно по пустому барабану.

Прошло три часа, а может, и больше. Посольство двигалось на северо-запад. Пустыньность начала настораживать. Ведь здесь уже Диккария, разве нет? И где, в таком случае, деревни, фермы, города?

Талиесин уже начал думать, что изначально пошло что-то не так и они попали не в те Северные Земли, как Черныш прокричал:

– Вижу дом!

Он и правда видел. В том месте, где заканчивался склон очередного поросшего вереском холма, возвышалось нечто, похожее на большую груду камней.

Путники остановились. Виконту нужно было решить, что делать дальше. Первоначальный план был спросить у местных жителей дорогу, но сейчас Талиесина одолевала сомнения.

Кто знает, кто живет в этой груде камней на отшибе? Вполне возможно, что и какой-нибудь тролль, обожающий на завтрак человечину.

– Ладно, едем, – сказал виконт. Всеми силами новоиспеченный посол старался не показывать, что боится.

Кажется, вот она, первая встреча с варварами... состоится через пару минут... Ой...

Дождь решил проявить к путникам милосердие и прекратился, как только те приблизились к груде булыжников на двадцать метров.

Оказалось, это не груда, а такой дом, наподобие землянки. Сложен действительно из кусков гранита, укреплен землей и выстлан сверху дерном.

Хозяйственные постройки в лице кривого и безобразного сарая примыкали к дому с восточной стороны.

Был еще загон для скота, в котором толклись грязные овцы, такие большие, что их можно было принять за нестриженных пони.

И сам дом был немаленьким – учитывая, видимо, тот факт, что средний варвар шире и выше среднего цивилизованного эльфа как минимум на одну треть.

Из дома доносились вопли и рычание, словно там выясняли отношения дракон и единорог при содействии других, неопознанных, но весьма злых созданий.

Однако не это поразило Талиесина. Вокруг дома лежали, белея, чьи-то кости, большие и маленькие, а еще валялось нечто, которое, безусловно, было раньше настоящим драконом.

Тушу разделявали прямо на земле, и сейчас от нее остался лишь неполный скелет с пока не тронутой головой.

Не зная, как себя вести, виконт сидел на лошади и думал. Позади него, соблюдая этикет, помалкивали дроу и кучер.

Дракон, уже, собственно, потерявший это звание, повернул к гостям голову и сказал:

– Страшитесь, о, странники! Уходите, пока не поздно! Эта земля не для таких, как вы!

Виконт прикусил губу. Порыв ветра бросил ему в лицо смрад, замешанный на запахе навоза.

Из землянки донеслось дикое рычание – и виконт уже собирался скомандовать отступление, но понял, что поздно.

Наружу выскочило взлохмаченное чудовище с большим ртом и приплюснутым носом. Его голова росла прямо из плеч. Состояло оно из сплошных мускулов, насаженных на могучий костяк.

– Арррггг! – проревело нечто, одетое в короткую полосатую юбку.

– Добрый день... – сказал Талиесин, едва не свалившись с лошади. Животное захрипело – варваров оно никогда в жизни не видело и не нюхало тоже.

Его потрясение можно было понять.

– Кто? Что? Сожру!

Для посла все происходило то ли слишком быстро, то ли, наоборот, слишком медленно. В общем, как во сне.

Он заметил, что чудовище бежит на него, а потом падает, сраженное наповал чем-то, что вылетело из землянки.

С шумом зарывшись мордой в сырую землю, варвар затих. Лошади шарахнулись, и их с трудом удалось уговорить не убежать.

Талиесин посмотрел, что за предмет свалил такую громаду. Оказалось, стиральная доска.

Из дома вышла женщина. Ну, безусловно, женщина, весьма похожая на лежащего, только размером поменьше. Красоткой ее не назвал бы никто – во всяком случае, из тех, кто не родился и не живет в Диккарии. По местным меркам, впрочем, вероятно, когда-то по ней сохли все окрестные парни.

Хозяйка была в платье и переднике. Рукава закатаны, демонстрируя мускулистые руки. «Грабли», – подумал Талиесин.

Посмотрев на лежащего гиганта, она ухмыльнулась, чем-то довольная, потом подняла взгляд на виконта и его спутников.

– То самое, я хорошо метая. То самое, я всегда хорошо метала. Я говорила ему, то самое, что запульну любую хрень, то самое, и ему не поздоровится! – сказала женщина, вытирая мокрые руки о передник. – То самое, стирать собралась. А этот, то самое, сожрал пудинг, то самое, который я на ужин припасла, то самое. Я говорю, то самое, чего делаешь, то самое, а он, то самое... Эй, то самое, вы кто такие?

Талиесин снял шляпу и помахал ею, неожиданно забыв, как должно приветствовать по всей форме.

– Мир этому дому, – сказал виконт. – Простите, что отрываем вас от ваших дел, но не могли бы вы сказать, как проехать к Бормо-фьорду? Мы едем в Рыгус-Крок.

– Чего? – Женщина нашла на подбородке бородавку и стала ее почесывать.

– Нам нужно в Рыгус-Крок, – сказал Талиесин. – Не могли бы вы...

– Я знаю, то самое, где Рыгус-Крок! Чего мне, то самое, не знать?

Виконт задрожал, вспомнив предсказание драконьей головы.

То, что осталось от дракона, не подавало признаков жизни.

– А вы кто такие, то самое? Таких, то самое, в наших краях, то самое, не бывало! – сказала великанша, уперев руки в большие бока и выставив могучие груди.

– Мы – посольство из Тиндари.

– Посольство... То самое, никогда не видела послов. Говорят, то самое, они ростом с полнеба, то самое, и с такими вот зубами... – Женщина подошла ближе, близоруко щурясь и разглядывая путников.

От такого взгляда становилось неприятно. Виконт не мог оторвать взгляда от ее грубого лица и волос, собранных в две длинные, почти до земли, рыжие косы.

Видимо, правы эстеты, утверждая, что безобразие само по себе бывает чрезвычайно привлекательно.

– Сдохнуть можно, то самое, – заключила хозяйка землянки. – А это мой муженек, дали же духи, то самое. Говорили мне, то самое, не ходить за него. А в наших краях послов не бывало – вы точно, то самое?..

– Что? – спросил Талиесин, подозревая, что эта содержательная беседа может продолжаться еще долго. Возможно, несколько дней.

– Послы?

– Совершенно верно, – ответил виконт.

Ужасный выговор женщины порядком истрепал ему уши.

– И чего вам, то самое, надо, волшебный народ?

– Бормо-фьорд... – вздохнул Талиесин.

– Это там!.. – Женщина махнула мощной дланью, разглядывая угольное лицо Черныша. – А желания исполняете, то самое?

– Нет, – покачал головой виконт.

– А то мне надо новое корыто, старое, то самое, прохудилось.

– Не исполняем, – снова вздохнул виконт. – Вы нас перепутали с эльфами, я полагаю. Мне очень жаль.

– Ага... – сказала громадина и, отойдя в сторонку, подняла с земли стиральную доску.

Размахнувшись, она заехала ею только что начавшему приходить в себя муженьку по голове.

Звук от удара получился такой, словно по секвойе ударили громадным топором.

Варвар снова затих, по неясной причине улыбаясь.

– Сладу, то самое, с ним нету, – пояснила женщина, поставив на его зад одну ногу, босую, вымазанную то ли грязью, то ли навозом. – Дурак, дураком и помрет...

Талиесин испытывал единственное желание – слинять немедленно, но врожденная склонность к хорошим манерам словно приклеила его к месту.

– Драконьей крови не хотите? Свежая. Муженек, то самое, его утром притащил.

– Спасибо, нет, – борясь с тошнотой, ответил посол.

Он поворачивал лошадь так поспешно, как только позволяли правила приличия. Тиндарийские. О варварских он не знал ничего, и надеялся только, что эта женщина не станет швырять в *него* стиральной доской.

– Бормо-фьорд там! – еще раз уточнила хозяйка дома. – Не собьетесь, то самое! Эка, куда забрались!

Удивленная, она долго смотрела им вслед, вспоминая сказки об эльфах, которые слышала в детстве, и не могла взять в толк, чем они отличаются от послов. Чудно, право слово.

Женщина опустила взгляд и сурово воззрилась на мужа.

– То самое, вставай, кабан! Работы по дому, то самое, по горло, а он лежит...

А посольство дуло на северо-запад, стараясь уйти подальше. Первое знакомство с варварами и их нравами было не из самых лучших. Но то ли еще будет.

Глава 4

Первая дорога, которую странники встретили в Диккарии, имела все признаки дороги в широком смысле слова.

По дну очередной, очень вытянутой долины кто-то проложил неровную полосу. Расчистил, убрав камни, и поставил верстовые столбы. Что на них было написано, виконт так и не понял, потому что не знал варварских рун. Возможно, на табличках содержались ругательства. Или заклятия какой-нибудь местной дорожной магии.

Черныш высказал предположение, что варвары так отмечают расстояние от чего-то до чего-то. Как в Тиндарии.

Талиесин промолчал, занятый мыслями о будущем.

Ехали уже часов пять. Местность становилась все более населенной. Несколько раз путники видели вдали поселения – знакомые по форме землянки торчали то парами, то тройками, то кучками дворов по десять.

Если доводилось проезжать совсем уже близко, посольство прибавляло ходу. Талиесину не улыбалось встречаться с аборигенами. Он помнил здоровяка, первой реакцией которого было сожрать незваных гостей. Оставалось надеяться, что в самом Рыгус-Кроке дела пойдут более мирно.

Въехав на возвышенность, через которую, кряхтя, переваливала «дорога», больше похожая на пьяную змею, эльфы увидели, наконец, и Зимнее море.

Плескалось оно у скалистых берегов с благородным спокойствием, как все эти миллионы лет своего существования.

Пена билась среди скал и взлетала вверх хлопьями, похожими на крупные снежинки. Цвет море имело свинцово-синий.

Присмотревшись, Талиесин различил вдали спины каких-то больших животных. Из спин их торчали высокие плавники.

– Это косатки, господин, – сказал Черныш, хотя его никто не спрашивал. Иной раз дроу любил блеснуть своими знаниями, почерпнутыми из книг, которые виконт не читал, но коими владел. – Хищные млекопитающие...

Виконт велел ему заткнуться.

Они продолжили путь, вдыхая сырой воздух моря. Лошадям перемена атмосферных условий понравилась, и они побежали куда более резво. Возможно, впрочем, предчувствовали скорый постой.

Талиесин, который никогда в жизни не видел ничего крупнее озера, чувствовал с удивлением, как растет у него в желудке тяжесть. Когда она выросла достаточно, то решила подняться к горлу. Виконт мог назвать это только одним словом: тошнота.

Так он открыл для себя, сам того не подозревая, морскую болезнь.

В общем, было плохо. А тут еще страх, такой, что коленки сами собой дрыгались, словно решили научиться танцевать.

Пытался виконт думать о своей возлюбленной, но ничего не получалось. Только тошнило.

– Рыгус-Крок, – наконец торжественно, точно так было запланировано, объявил Черныш.

Обогнув скалы, торчащие одной стороной в море и похожие на древесные грибы, странники увидели Бормо-фьорд.

Тянулся он с востока на запад – довольно узкая бухта, в которую впадала текущая с гор река. В дельте этой реки на восточной оконечности фьорда стоял город. Столица Диккарии,

конечная цель пути. Место, где Талиесину предстояло жить – по самым оптимистическим подсчетам, *несколько лет*.

К городу приклеился порт, в котором толпились многочисленные корабли (очень многие с клетчатыми парусами). Над мачтами кружили чайки, а те, что не кружили, украсили своими телами ближайшие скалы и разнообразные возвышенности, галдя без перерыва.

Даже отсюда было видно, насколько грязная вода возле пирсов. В ней плавало столько мусора, что он казался пестрым покрывалом, сшитым из тысяч мелких лоскутков.

Запахло дымом. Где-то на огне готовили жаркое. К дыму примешивался запах навоза, вонь гниющих рыбных остатков и еще другой, теперь знакомый не понаслышке – запах варваров.

Еще не въехав в город, Талиесин понял, что это ему решительно не нравится. Вытащив из внутреннего кармана флакончик с духами, он смочил ими платок и приложил его к носу.

Аромат цветов, живо напомнивший виконту о далекой цивилизованной родине, даже настроение поднял. Махнув рукой, Талиесин приказал трогаться. Всадники устремились вниз по склону, приближаясь к городу.

Это была вторая дорога, встреченная ими в Диккарии. По ней двигались в основном пешим ходом самые разнообразные варвары. Одеты громадины были тоже по-разному, кто побогаче, кто победнее, но всех объединяла одна черта: прирожденная свирепость, без труда читавшаяся на физиономиях. А еще почти полное отсутствие систематического образования.

Талиесину потребовалось немало смелости, чтобы заставить себя ехать прямо. Так и хотелось уменьшиться в размерах, втянуть голову в плечи и сделать вид, что его тут нет и не было никогда.

Бросив взгляд на Черныша, обычно невозмутимого, виконт и там увидел замешательство. Кучер же вовсе от страха стал серым, что твоя холстина.

Всадник – редкое явление в Диккарии. Неорганичное, что ли. Варвары слишком велики, чтобы ездить верхом, потому издавна предпочитают путешествовать пешкодралом. Если же наездники все-таки встречались, то здесь имелось лишь два варианта объяснения – либо это местный выпендрейник, либо иноземец. И тот, и другой, конечно, привлекали внимание.

– Эт кто такой? – услышал Талиесин справа от себя.

У обочины, заросшей бурьяном, остановились два амбала в полосатых юбках. Кроме этой одежды, на них ничего больше не было. Если не считать предметом туалета крепкую дубину, разумеется.

Громада, которой товарищ адресовал вопрос, вылупил глазки. Его нижнюю челюсть можно было использовать в качестве наковальни.

– Может, типа, привидение. Или Морской дух Рэкки.

– Сам ты Морской дух, – сказал первый варвар. – Не из моря же он едет, а, наоборот, к морю. – Тут, видимо, чтобы еще больше убедить приятеля в том, что тот ошибается, первый двинул его по затылку.

Талиесин приподнял шляпу в знак приветствия, ускоряя ход. Черныш и кучер сделали то же самое. Неприятно, когда тебя разглядывают, словно чучело диковинного зверя в кунсткамере.

Улизнуть было самое время – два варвара разодрались, поднимая тучу пыли. Обгоняя Талиесина, в сторону города пролетела какая-то тряпка, в которой можно было без труда опознать полосатую юбку.

«Дикари – они и есть дикари, – подумал виконт. – Ума не хватает штаны надеть...»

Полагая, что по неизвестной причине все мужчины в Диккарии носят этот странный предмет одежды, Талиесин вскоре убедился в обратном. Проехав мимо нескольких варва-

ров – кто шел так, кто тянул тележку с грузом, кто погонял свое имущество, настоящую лошадь, – посольство увидело экстравагантную компанию.

– Пара-пабабам-пабабам-пабабам! Пара-пабабам-пабам-бам-ба! – Грозное эхо воинственной песни сотрясало небеса и заставляло придорожные камни покрываться трещинами.

Эти мужланы отличались от других организованностью, что выдавало в них представителей воинского сословия. Построившись по двое, великаны шпарили к воротам Рыгус-Крока неким подобием строевого шага, от которого дрожала почва.

Каждый воитель тащил на себе круглый щит, копье и оружие для рукопашной – как правило, тяжелый топор, хотя встречались и палицы, и громадные мечи. Единой формы одежды не было, но все варвары тяготели к шлемам с рогами. Рога были самые разные – от традиционных бычьих до оленьих и даже лосиных. Некоторым, заметил виконт, они очень шли. Во всяком случае, внешне дикарская свирепость от таких шлемов только выигрывала.

Теперь Талиесин понимал, как трудно было тиндарийцам воевать с этими монстрами. Лично у него пятки отваливались от ужаса при виде этих физиономий, украшенных рога-тыми конструкциями.

– Господин, – тихо сказал Черныш, нагоняя виконта. – Эти в штанах.

Дроу всегда был глазастее Талиесина. Да, эти носили штаны из кожи, украшенные меховыми вставками на случай внезапного похолодания, и заправляли их в тяжелые сапоги, способные отдавить ногу и мамонту.

– Гляньте, господин, – добавил слуга, указывая куда-то в сторону ворот. – Там есть и другие, в штанах которые...

– И в юбках, – добавил виконт.

– В энциклопедии этого не было, – заметил Черныш. – Странно. Вероятно, наличие того или другого указывает на какую-то социальную дифференциацию. Каста? Варна? Класс?

– Предлагаю тебе начать вести записки о своих впечатлениях... – пробурчал Талиесин. – Назови их «Физиологические очерки»...

– Возможно, я так и сделаю, – ответил Черныш, которому мысль *очень* понравилась. Невозможно голубые глаза дроу вспыхнули. – В Тиндарии книга может стать бестселлером.

Виконт закусил губу, вслушиваясь в непрерывно гремющую боевую песню.

Дружинники, не снижая скорости, проломили через небольшую пробку на дороге и вошли в город через массивные ворота из мореного дуба. Там, где они прошли, царствовало разрушение. Те, кого они потревожили, тут же принялись выяснять отношения – в основном при помощи кулаков. Колошматили варвары друг друга самозабвенно, не имея ни малейшего понятия о цивилизованных способах решения разногласий. Похоже, этим были неведомы суды и дуэли.

Тиндарийцы, пользуясь суматохой и клубами пыли, в которых сталкивались, словно айсберги, дерущиеся, пробрались незаметно к воротам.

Сразу от них в глубь Рыгус-Крока шла деревянная мостовая Рыночной площади, по обеим сторонам от которой поблескивала грязь, доведенная дождем почти до жидкого состояния. В ней барахтались щенки и поросята, с виду не отличимые друг от друга.

– Куды? – проворчал, словно вулкан, стражник, появившийся неведь откуда.

Он был всем шкафам шкаф, и самый большой шлем (с одним рогом) сидел на его макушке, словно наперсток. Ему и оружия было не надо – одной своей дланью красавчик мог разметать целое войско.

Лошадь Талиесина, а также три другие замерли на месте и разинули рты. Стражник был выше самой рослой из них на две головы. Ширина же варвара выходила за все разумные пределы.

– Кто такие?

– Э... – Талиесин постарался как можно быстрее собраться с духом. И выпалил: – Я – чрезвычайный и полномочный посол Тиндарии, а это мои спутники. Прошу вас, благородный страж, проводить нас к вашему королю, ибо имею честь вручить ему верительные грамоты...

Стражник даже не пытался соображать. Стоял, расставив руки. Талиесин вспотел, хотя ветер гулял прохладный.

Сзади начала собираться недовольная толпа. Дерущиеся умили свой пыл, хорошо размялись и нашли себе новое занятие.

Кто-то свистел, чтобы привлечь внимание пришельцев, кто-то ругался, другие горячо спорили.

– Зря стараетесь, – сказал кто-то, выходя из-за массивной фигуры стражника. Талиесин только что повторил свою речь. – Наш Малыш в детстве стукнулся головой. Он знает лишь две фразы. Обе вы слышали.

– Куды? – снова спросил великан, демонстрируя свой потрясающий словарный запас.

Варвар вполне нормального размера осмотрел тиндарийскую делегацию. Рогатого шлема на нем не было, зато имелась кожаная шапка, похожая на капюшон. Из отверстий по бокам головы торчали уши.

– Значит, посольство? То самое? – спросил дикарь, одновременно грозя кому-то кулаком позади Талиесина.

Туземцы загалдели еще громче. Кто-то потребовал сожрать задохликов, чтобы не мешали проходу, а один фундаменталист высказал мнение, что времена нынче препариш-вые, раз всякие вонючие хлюпики разгуливают спокойно в самом сердце Диккарии.

Ему ответили, что это люди, а вон тот белобрысый, кажется, трубочист, иначе с чего у него такая рожа черная. Несогласные с этим мгновенно затеяли новую драку.

Виконт кипел от гнева, но, будучи теперь послом, не мог его демонстрировать.

– Простите, какое «то самое»? – спросил он у маленького варвара.

– Которое мы давно ждем, – ответил тот. – Я – Эшвах Разумник, помощник бургомистра Рыгус-Крока.

Виконт представился, опустив перечисление своих наследственных регалий и владения, которые остались у него в Тиндарии. К чему разжигать алчность в диких сердцах?

– Значит, вы и есть. Надо доложить королю. Пнилл Бычье Сердце будет рад.

Талиесин не удержался и спросил, кто такой Пнилл Бычье Сердце и почему он будет рад.

– Наш король, – ответил Эшвах, сначала подозрительно прищурившись, но потом решив, что чужеземец он и есть чужеземец, особенно из Тиндарии. Чего с него взять?.. Темнота. – Пнилл Бычье Сердце – великий воин и король, вождь клана Раздериуев, наводящего ужас на просторах морей.

– Тогда, – сказал Талиесин, радуясь, что хоть это выяснилось, – мы должны немедленно увидеть вашего могучего владыку. Того требует дипломатический этикет.

Толпа позади делегации шумела не хуже шторма, налетающего на скалистый берег зимой. Разумник адресовал кому-то еще один кулак. Видимо, должность, которую он занимал в том, что можно было принять за местную бюрократию, давала ему немало власти на вверенной территории.

– Сейчас Пнилл готовится к свадьбе. Сегодня он берет в жену Офигильду, дочь Ворчлюна Ухайдака, вождя клана Топорище. Так что вряд ли примет вас, – сказал Эшвах, почесав подбородок.

– Как же быть?

– Езжайте в Посольскую Слободу. Там вы будете жить. А я доложу королю и сообщу вам, когда он готов будет вас принять. Идет?

Виконт, конечно, согласился. Всяко лучше, чем стоять здесь, чувствуя нарастающую угрозу в скором времени не собрать костей.

Вообще, удивительно, как до сих пор их не разорвали на кусочки вместе с лошадьми.

Эшвах отправил Малыша дрыхнуть на своем посту и дальше, а сам повел делегацию в город.

«Пронесло, – подумал виконт, – пока все идет более или менее...»

Глава 5

Рыгус-Крок не тянул на звание полноценного города. Скорее, на большую разросшуюся деревню с непомерными амбициями. Амбиции же заключались в том, что варвары вопреки традиционной архитектуре (земляночной) стали отдавать предпочтение крепким деревянным домам с покатой крышей.

Качество строительства даже для неискушенного взгляда Талиесина оставляло желать лучшего, но варваров, по крайней мере, можно было похвалить за упорство. Именно такое качество в народе помогает ему выбраться из бездны дикости и стать на путь прогресса.

Но прогресс пока с неохотой заглядывал на улицы столицы Диккарии. Деревянные мостовые встречались не везде, к тому же имели неприятную привычку обрываться внезапно, гостеприимно приглашая ротозея нырнуть в очередную роскошную лужу, как правило, уже занятую спящими свиньями.

Тиндарийцы настилами пользоваться не стали и заставили лошадей шлепать прямо по жиже. Эшвах, взяв на себя роль проводника, делал то же самое, не стесняясь того факта, что его башмаки и штаны до самых бедер забрызгало толстым слоем грязи.

– Вам нравится Рыгус-Крок? – спросил помощник бургомистра. – Наш город значительно вырос за последнее время.

– Нравится, – ответил Талиесин из-под надушенного платка, который прижимал к лицу. Вонь в столице стояла невообразимая. Глаза ело от дыма.

– А будет еще лучше и красивее, – с гордостью добавил Эшвах.

Виконт все гадал, где этот деятель научился так складно выражаться. Ушастый не вписывался в общую картину и заставлял подозревать у варваров наличие самых настоящих школ.

Отсутствие цивилизации в общепринятом смысле слова бросалось в глаза повсюду. Помои выливали из окон прямо на улицу, и они гнили на «тротуарах», издавая сногшибательное амбре. Тут и там валялись дохлые кошки и собаки, а один раз посол заметил в проулке, неподалеку от чудища, справляющего большую нужду, дохлого пони. Мухи тучами носились над всем этим, дожидаясь, видимо, времен, когда столица станет лучше и красивее.

Встретилось виконту и несколько таверн. Из каждой доносились звуки побоища. То и дело, не забыв снести по пути часть стены или окно вместе с рамой, наружу вылетал кто-нибудь из бойцов. Один из них, совершенный в математическом смысле квадрат, пронесся по воздуху перед мордой виконтовой лошади. Та шарахнулась, чуть не скинув седока в грязь. Варвар врзался в дом напротив и очутился внутри него. Вскоре через проделанную им же дыру он выскочил наружу, придерживая штаны, а за ним неслась, как разъяренная фурия, дама с громадным половником.

Талиесин нервно сглатывал, боясь даже смотреть по сторонам. Но смотрел, нутром чуя, что занятие это не бесполезное. Придется, видимо, научиться держать ухо востро. Того и гляди размажут по стенке очередным отправленным в полет гулякой.

Пьяные аборигены валялись повсюду. Заметив, что виконт таращится на них, Эшвах пояснил, что Рыгус-Крок имеет давние демократические традиции, поэтому такие безобразия в общественных местах не считаются нарушением закона. Хотя бы по причине, что такого закона нет, ха-ха...

Дорога в Посольскую Слободу лежала через самый старый район города. Тут дома стояли кривые и, видимо, страдали кривизной от рождения. Заросли они по самые крыши мхом и поганками, что их обитателей нисколько не смущало.

– Есть обходная дорога, – сказал Разумник, – но там лучше вечером и ночью не ходить.

– Почему? – спросил виконт.

– В Очумелой Лошине околачиваются всякие отщепенцы, изгнанники из кланов и просто придурки недоделанные, которых объявили вне закона. Слышал, у вас там есть «злачные местечки». Так это оно, злачное. Прирежут вас там как пить дать, не посмотрят, что вы посол или не посол.

«Только этого мне и не хватало», – подумал Талиесин, борясь с тошнотой.

Это, впрочем, не значило, что он мечтал ездить взад-вперед исключительно через Очумелую Лошину, просто сама мысль о том, что под боком шастают жаждущие твоей крови негодяи, сильно угнетала его разум.

Виконт почувствовал, что смертельно устал. Даже безобразие Старого Города его уже не поражало и не удивляло. Он мечтал только уже куда-нибудь приехать и принять горизонтальное положение.

Черныш, судя по его застывшему лицу и остекленевшему взгляду, разделял стремление господина.

Старый Город не порадовал ничем, кроме вонищи и заляпанных навозом стен. Из окон, затянутых бычьими пузырями, лыбились какие-то рожи.

В сточных канавах нашлось немало тех, кто не просто свалился туда, а, кажется, жил там. Эшвах выдал послу справку. Оказывается, эти варвары приехали в Рыгус-Крок из провинции в поисках лучшей жизни, но не нашли ее. В том их ошибка. По словам Разумника, лучшая жизнь давно поделена между самыми удачливыми кланами, так что простому хмырю из какого-нибудь захолустья можно было рассчитывать только на службу в дружине. И то – конкурс туда немаленький. Особенно если идет набор в морские набеги. Бульклинги не любят слабаков и растяп.

– Бульклинги? Простите, а кто это? – спросил виконт, подстегивая впавшую в депрессию лошадь. Несчастливая животина, придавленная отрицательными эмоциями, еле волокла ноги.

– Хм... посол, а не знаете особенностей страны пребывания... – сказал Эшвах, ловко отскакивая от дождя обмылков, пролившегося откуда-то со второго этажа.

Виконт моргнул.

– В Диккарии две основные фракции, если выражаться по-научному. Кланов поделены на морские и сухопутные. Морские называются бульклинги, а сухопутные чморлинги. Отличить первых от вторых очень легко – вы, верно, уже заметили: морские носят штаны, а сухопутные – юбки, иначе килты. Объясняется это тем, что в море условия всегда гораздо суровее и дуют бешеные ветры. Раньше килт был повсеместно распространен и являлся предметом гордости моего народа. Но однажды морскому хрюрлу Обжираю Весомому надоело, что под килт ему задувают штормы и ураганы и морозят его мужское достоинство, и он придумал штаны. С той поры кланы еще более разделились, а бульклинги избавились от хронической простуды.

Черныш, внимательно слушая речь Эшваха, что-то записывал на бумажке при помощи свинцовой палочки.

– Потрясающе, – пробормотал Талиесин. – Все просто и доходчиво.

– А то! – засветился гордостью Разумник. – О! Мы пришли...

Позади остался Старый Город, и процессия въехала в Посольскую Слободу.

Виконт широко раскрыл глаза.

Район, выделенный варварами для дипломатических миссий из разных стран, немало удивил виконта. Во-первых, тут было чисто (хотя в некоторых местах относительно – это касалось территории, закрепленной за орками из Головорезии); во-вторых, посол и понятия не имел раньше, что дикари поддерживают такие обширные связи с внешним миром.

Продолжающий с честью выполнять обязанности проводника и экскурсовода Разумник вел гостей вдоль огороженных высоким забором зданий и сыпал ценнейшими сведениями:

– Головорезия, с ней у нас давние партнерские отношения... Правда, это не мешает им резать наши головы, а нам расплющивать их черепа дубинами. Орки – они ж дикари...

Виконт покосился на Черныша. Тот едва успевал заносить данные в свою рукопись. Видимо, всерьез загорелся идеей создать «Физиологические очерки».

Посольство Головорезии – здание, построенное из больших камней и больших бревен, похожее на спящего толстого дракона – осталось позади.

– Патангирри держит у нас своих послов уже пятьсот лет. Кобольды в чем-то похожи на нас. Отличные собутельники, – сказал Эшвах. – Идем дальше.

Виконт отметил, что архитектурные традиции кобольдов (их посол никогда не видел) мало отличаются от варварских.

– Гномы из Эйвыроя. Веселые ребята, – сказал Разумник. – Вам нужно с ними познакомиться. Любят цивилизованных личностей.

– В каком виде? – спросил Талиесин на всякий случай.

– В любом, – ответил варвар.

Пнув закрытые ворота посольства Эйвыроя, Эшвах повел гостей дальше.

Дома стояли шеренгой вдоль той части города, которая упиралась в гору Погибель с северной стороны. Можно сказать, это была самая что ни на есть окраина, даже окраиннее трущоб, что виконту показалось странным. Но, похоже, никто не возражал. Либо всем было все равно, либо варвары однажды поставили смутьянов на место, задавив в зародыше любые протесты.

Так или иначе, а посольство Тиндарики оказалось втиснуто в самый угол и совершенно терялось за большим зданием, которое занимало почти половину Слободы.

– А это что? – спросил Талиесин.

– Дом Советов. Нейтральная территория. Тут послы собираются для обсуждения разных важных дел, а также чтобы что-нибудь отметить. Здесь бывает очень весело.

Виконт в этом нисколько не сомневался. Варвары любили веселиться не меньше всех других народов, но, как подозревал посол, делали это слишком шумно и... brutally.

Талиесина потряхивала нервная дрожь. Он уже видел себя в компании разнообразных пугающих существ, требующих выпить с ними на брудершафт. Собственно, против хорошей пирушки виконт никогда не возражал, однако в компании варваров, орков, кобольдов и гномов?.. Какое же это общество, помилуйте? Просто кабацкая пьянка, позор для личности столь высокого происхождения...

Виконт чувствовал, как в воздухе витают призраки морального падения.

Кто строил Дом Советов, осталось загадкой, но анонимный архитектор, видимо, чтобы угодить разным фракциям, попытался совместить в нем черты культур разных народов. Получилось неказисто (мягко говоря), но с чувством. Искренность намерений создателя сквозила через каждую щель в кривой кладке.

Талиесин, чтобы не травмировать еще больше свою психику, отвернулся.

– А вот и ваше посольство, – сказал орк, когда процессия обогнула Дом Советов.

Здание изрядно обветшало – со времен Силлона Кирана, что ни говори, прошло достаточно много веков. Строили посольство в виде изящной усадьбы, со всеми элементами, что полагаются в таких случаях. Тут была и ажурность, и стройность, и нереальная дымчатость. Башенки, стены, балкончики – все высший класс. Самый настоящий кусок Родины.

Едва взглянув на здание, виконт почувствовал, как в горле скапливается напряжение, а в носу щиплет.

До чего же мило!

Задули в голове посла родимые тиндарийские ветра, пахнувшие цветами и молодым игристым вином. Зашумели сады, заструились водопадики...

Варвар поинтересовался у виконта, не плохо ли ему.

Тот ответил, что как раз наоборот.

Подъехали к воротам, открытым. Посольство ограждал высокий кирпичный забор, за которым угадывался небольшой уютный садик. Талиесин увидел дорожку из желтого камня, идущую от ворот к крыльцу.

– Ну, устраивайтесь, – сказал Разумник, приветствуя типа, выплывающего из недр тиндарийской территории. – Я пришлю вам послание от короля. А, здорово, Фиенс! – Варвар махнул тиндарийцу и, посвистывая, отправился в обратный путь.

Грязь громко чавкала под его ногами. К сожалению, и в Посольской Слободе проблему эту никто решать не собирался.

– Черныш, кажется, я сплю, – сказал виконт.

– Акклиматизация непростая вещь, господин, – ответил дроу, убирая записки в сумку на пояс. – Обилие новых впечатлений, стресс...

– Замолчи, умоляю! – простонал посол.

Эльф, названный Фиенсом, с вежливой улыбкой ожидал у ворот.

– Приветствую вас... Добро пожаловать, – сказал он, видя, что приезжие нерешительно топчутся на месте.

Взмах руки – и откуда-то из недр посольства выскочили три слуги и набросились на лошадей. Вместе с всадниками они завели их на территорию посольства и закрыли ворота.

– Меня зовут Фиенс Тудан, – сказал эльф. – Я – помощник посла. В отсутствие одного слежу за хозяйством и поддерживаю посольство в рабочем состоянии. То есть я и есть посол. Работы немного, но она ответственная...

Виконт спешился. Черныш и кучер уже помогали слугам разобраться с багажом. Дроу убеждал посольских, чтобы они были аккуратнее. Из-за этого возникла небольшая перепалка.

Талиесин представился, чувствуя себя неловко. Он понятия не имел о том, должны ли в этом случае соблюдаться какие-нибудь церемонии или можно по-простому.

Точно угадав, о чем он думает, Фиенс заметил:

– Отбросим формальности. Я рад, что вы приехали. Родина, наконец-то, обратила внимание на такой важный аспект своей внешней политики, как добрососедские отношения с Диккарией...

– Да, это точно, – ответил виконт, вспоминая свою беседу с королем.

«Небось сидит сейчас Дэндал и ручки потирает... гаденыш. И как там моя Ойла?»

– Как вы доехали? Не было ли каких-нибудь инцидентов? – спросил Фиенс. Его сладкая улыбка и красноватое лицо Талиесину нравились не слишком. Краснота эта могла говорить о пристрастии Тудана к выпивке.

– Я удивлен, что мы доехали вообще, – поделился наболевшим посол и вылил на помощника все свое недовольство, в подробностях. Не смог удержаться.

– Что поделать, – развел руками Фиенс. – Мы в стране дикарей.

– Лучше не скажешь, – отозвался виконт, оглядывая фасад здания. – А у вас тут хорошо. Насмотрелся я на Рыгус-Крок.

– Стараемся, – скромно потупился Фиенс. – Не желаете ли отобедать с дороги?

Аристократ вытаращил глаза:

– Еще бы не желаю! Да я быка сожру, хотя это и противоречит нашим обычаям!

– Хорошо. Очень хорошо, – поклонился помощник. – Идемте.

«А может, все не так уж плохо... – подумал виконт, шагая к украшенным резьбой дверям. – Эльф ведь ко всему привыкает, а если посмотреть на проблему позитивно...»

Глава 6

Кушанья были не слишком изысканные, но привередничать Талиесин не стал. Волчий голод требовал немедленного насыщения – остальное казалось недостойным внимания личности столь высокого происхождения.

Традиционный набор блюд виконт умял в один присест, потом потребовал добавки, и слуги, вышколенные, а может, просто засидевшиеся без хорошей работенки, бросились выполнять приказ.

На нового хозяина посольства они смотрели едва ли не с обожанием. Что ни говори, а без новых лиц бедолаги явно соскучились.

Комната, в которой сидели Талиесин и Фиенс, выполняла функции столовой. Здесь все напоминало о доме. Мебель была старинной, но крепкой и хранила отпечаток времени, так согревающий душу странника. Ковры на полу отличались идеальной чистотой, а гобелены на стенах настраивали на истинно тиндарийский лад.

Во время еды, точнее, в первые минуты, Талиесин глазел на них, словно ничего подобного в жизни не видел.

Хотелось плакать.

– Так что случилось с прошлым послом? – спросил виконт, ловко орудуя вилкой и ножом. Расчленил он нежную свинину, приготовленную по традиционному рецепту под соусом из мяты и базилика. Гарниром служили жаренные в масле и посыпанные толченым миндалем каштаны.

Стол перед обедающими был заставлен тарелками, свободного места не осталось.

– А как гласит официальная версия? Та, которая известна на Родине? – уточнил Фиенс, вежливо ухмыляясь.

– Мне сказали, что он пропал.

– Так и есть. Пропал. Пять лет прошло – а от него ни слуху ни духу, – кивнул помощник. – Однажды вышел из посольства...

– И? – спросил Талиесин, смакуя вино. – Имеете в виду, что его... съели?

– Насколько я знаю обычаи варваров, вряд ли стоит надеяться на это. Скорее, думаю, посол пал жертвой собственной неосторожности. Рядом – море. Очень многие в состоянии сильнейшего опьянения падают в воду и идут ко дну.

– Так он утонул?

– Такова версия, к которой пришло следствие.

– Следствие? Неужели дикари знают это слово?

– Знают. И не только это, – заметил Фиенс, морща мордочку. – Они быстро учатся, хотя порой этого не видно. Их жажде знаний можно только позавидовать. И плавают они по морям не только для того, чтобы грабить и убивать.

– Подумать только... А кто вел расследование?

– Мы, тиндарийское посольство, бургомистр Рыгус-Крока и Главный Конунг Стражей. Его воины обшарили всю столицу, каждый дом, каждый подвал. Варвары упорны, знаете ли, и если им надо, своего добьются. И добились они того, что ничего не нашли.

– А вы?

– Я тоже участвовал в поисках. С моей помощью следствие установило полную картину того, что произошло в тот день. Мы все старались избежать скандала.

Виконт отодвинул пустую тарелку из-под мяса и потянулся к тушеным овощам. К третьей порции.

– Странно, а разве он все-таки не разразился? Я, конечно, тут лицо новое, но мне кажется, гибель посла в стране пребывания – нештучное дело.

Помощник до невозможности этикетно промокнул губы салфеткой.

– Я связался с начальством, изложил обстоятельства дела и держал руку на пульсе. МИС подробно инструктировало меня.

– Значит, Тиндария не хотела поднимать шум, – заключил Талиесин.

– Политическая обстановка такова, что мы не можем позволить себя ссориться с варварами, – проговорил Фиенс. – В конце концов, почему Хлаевик должен становиться причиной новой войны? Кто он такой?

– В смысле?

– Жалкий пьянчуга и враль. Если вы хотите знать мое мнение, то оно таково. Когда-то его сослали сюда из-за безобразного поведения, которым он возмущал благородное общество. Думаете, Хлаевик исправился, попав сюда? Ничуть. Большую часть времени посол проводил за поглощением разных спиртных напитков, благо собутыльников здесь можно найти в любой момент. Мы, те, кто работает в посольстве на благо Родины, немало от него натерпелись.

Талиесин отвел взгляд, боясь, что Фиенс угадает, что и он сослан – и тоже, как гласит официальная формулировка, «за возмутительное и вызывающее поведение».

Похоже, в Диккарию отправляют исключительно неблагонадежных.

И что, интересно, думают об этом местные? Они в курсе, на каком месте в рейтинге престижа стран находится их родина?

– Я лично считаю, что Хлаевик сам виноват. В тот день он был пьян даже больше обычного. Вероятно, нелегкая занесла его в порт, где он просто свалился в воду и утонул. Доски, покрытые грязью и гниющими рыбьими потрохами, на которые не зарятся даже чайки, плохое место для прогулок. Думаю, Хлаевик нашел свой покой на дне Бормо-фьорда, и большего мы о его судьбе никогда не узнаем. К такому же выводу пришел и королевский гадалщик на рунах. Духи моря забрали Хлаевика.

Настроение у виконта несколько испортилось.

– А какова была судьба посла, который... служил здесь до Хлаевика?

Этот вопрос не был праздным. Для Талиесина сейчас он имел важнейшее значение.

– Его прирезали, – пожал плечами помощник посла. – А еще до него – сварили в кипятке.

– За что? – Кусок застрял у Талиесина в горле.

– Легенда гласит, что он косо посмотрел на одного ландскнехта, и тот пожаловался в городскую управу. Суд был скорым – он у варваров такой. Ну, выпьем за Тиндарию, посол. И за укрепление дружбы между народами.

Виконт, словно в трансе, поднял свой бокал и чокнулся с Фиенсом.

Вероятно, король действительно знал, что делал, когда отправлял его сюда.

После обеда Талиесин привык отдаваться сну – часа два, а то и три. Живя на родине, в атмосфере профессионального аристократического ничегонеделания, он просто не видел смысла поступать по-другому, тем более что самый активный период его суточного бытия приходился на ночь.

Усталость взяла свое, а пища так и тянула опустить голову на подушку. Виконт спросил, где его комната. Фиенс лично проводил его в «покой». Напоминали они хотя и изысканную, но прямо-таки собачью конуру, до того были маленькими. Посол огорченно поморщился.

– Это лучшее, что у нас есть, – сказал помощник. – Уж не обессудьте. Зато вам, наверное, придется по вкусу чистая постель и тишина.

Виконт подошел и раздвинул шторы на единственном овальном окне. За ним был крутой склон горы, покрытый чахлыми сорняками. Посол вернул шторы на место.

Кошмар!

– Ладно. Раз я здесь, надо привыкать к жизни аскета, – сказал Талиесин, повесив голову.

Черныш скользнул в комнату шустрым морским угрем – он всегда безошибочно угадывал, когда господину требуется его помощь.

– Приятного отдыха, – поклонился Фиенс и ушел, а дроу закрыл за ним дверь.

– Тебе здесь нравится, Черныш? – спросил виконт, пока тот стягивал с него сапоги.

– Не очень, не буду скрывать. Этот ужасный запах... Но мы ведь знали, что нас ждет, правда, господин? Ну, во всяком случае, занимательно. Я уже многое записал и многое держу в памяти, чтобы отобразить это в «Очерках».

– Рад за тебя, – пробормотал Талиесин.

– Какие еще будут распоряжения? – Черныш закончил раздевать господина и забросил его на широкую кровать под балдахином.

– Никаких пока. Ты тоже иди отдыхать, но если что-то экстренное, разбудишь.

Дроу кивнул, подхватил нуждающуюся в чистке одежду господина и испарился за дверью.

Тишина обрушилась на Талиесиновы уши и убаюкала лучше всякой колыбельной. Спал виконт беспокойно, дергая во сне ногами, словно подрастающий щенок.

Прошло меньше часа, и его разбудили.

Автором столь бесцеремонного вторжения оказался Фиенс. Склонившись над кроватью, он вперил в посла горящий взгляд и что-то проговорил.

– А? Где? Чего? – Ничего не соображая спросонья, виконт пробовал отползти подальше. Его взгляд метнулся по комнате в поисках верной шпаги. Ее, конечно, не было.

– Извините. Разве я вас напугал?

– Что? – Талиесину снилось, что за ним гонятся родственники юной герцогини, которую он соблазнил от скуки год назад. Обещали они ему все самые жестокие расправы, какие только существуют на свете.

– Эшвах принес послание от короля Пнилла Бычье Сердце, – повторил уже в третий раз Фиенс, показывая бумагу. – Вас приглашают на свадьбу его величества. Вы должны явиться во дворец уже через час. Советую поторопиться, потому что варвары трепетно относятся к подобным мероприятиям и способны затаить обиду на того, кто не явился или просто опоздал к сроку. Поверьте, – добавил помощник, кивая с многозначительностью.

– Свадьба? Боги! Свадьба... Варварская свадьба. – Виконт свалился с кровати, загремев костями. – Фиенс, а это не больно? Они не заставят меня следовать каким-нибудь их... ритуалам?

– Не думаю. Ну, разве предложат посоревноваться с кем-нибудь, кто больше за определенное время воьет в себя пива. Лучше воздержитесь. Средний желудок варвара способен вместить в пять раз больше жидкости, чем тиндарийский.

– Черныш! – завопил виконт, и дроу через секунду был тут как тут. – Умываться, переодеваться!

– Слушаюсь!

Дроу свое дело знал и взял господина в оборот так, что тот лишь охал и ахал.

– Мы должны вручить королю верительные грамоты. Это хороший случай. А! А что будем дарить на свадьбу? Что варвары любят?

– Не знаю, господин, – ответил Черныш, изо всех сил жалея новоиспеченного посла. Смотреть на него без слез было невозможно.

Ну а кто, спрашивается, виноват? Если влез в спальню королевской фаворитки, когда там был уже сам сиятельный монарх, пеняй на себя.

Черныш не стал говорить этого господину, чтобы еще больше того не расстраивать. Дроу понимал чувства Талиесина. Окунуться в дикое общество без подготовки и не сойти с ума – это надо иметь изрядную силу духа и мужества. И виконт, и слуга подозревали, что ни того ни другого в нужном количестве достать неоткуда.

– Надо осмотреть наши запасы, вдруг там найдется что-нибудь, что заинтересует этого Пнилла, – сказал виконт, не слишком веря в успех. – Спросить Фиенса – он больше разбирается в этом вопросе...

Сборы были суматошными, и если бы не Черныш, посол бы не сумел найти к нужному моменту даже свои ноги, чтобы сунуть их в сапоги. Отыскать же сапоги самостоятельно он вовсе шансов не имел.

– Идем!

Даже не посмотрев на себя в зеркало, Талиесин бросился прочь из комнаты. Они нашли Фиенса, поливающего цветочки на подоконнике залы для приемов, и тот поинтересовался, чего изволит господин посол. Талиесин спросил его, почему он не собирается на свадьбу, и тот ответил, что если нужно, он, конечно, соберется. Ну, с этим решили, остался вопрос: что подарить Пнилле?

Фиенс отвел виконта в кладовую, где лежало много всякого хлама.

– Если вы ничего не привезли с собой, то посмотрите здесь, – сказал помощник, открыв дверь и вручая Талиесину лампу.

Виконт посетовал на то, что никто не потрудился ему объяснить, что посол должен дарить хозяину страны пребывания какие-либо подарки.

Взгляд, брошенный на дроу, ничего не дал. Черныш только пожал плечами. Он хоть и начитанный, но всего предусмотреть все равно не мог.

В отчаянии Талиесин углубился в кладовую. Точнее, ее можно было назвать сокровищницей, потому как вещи в ней лежали дорогие и в массе своей изысканные. Находились они в беспорядке, и никому здесь не было дела до того, какая судьба их, наконец, постигнет.

Что-то, по прикидкам, находилось здесь еще со времен основания посольства. Например, это...

– Ух ты! – Талиесин с трудом выдернул из груды дорожущего хлама секиру с двумя лезвиями и прочной дубовой рукоятью, такой толстой, что держать ее было эльфу неудобно. Пальцы не смыкались. – Тяжелая!

– Ваша правда, посол, – кивнул Фиенс. Он кивал важно, словно птица-секретарь.

Лезвия секиры были просто ужасны – с точки зрения потенциального урона, который могли нанести. Талиесин без труда представил, как такой штукой отрубают голову гигантскому дракону.

– Откуда она?

– Эту секиру подарил первому послу Тиндарии в Диккарии король Ухогрыз Прекраснозловный. Было это семь веков назад, – ответил Фиенс.

Талиесин поставил оружие у стены. Внушительно. Пожалуй, любому варвару оно придется по вкусу.

– Думаю, ее можно преподарить назад. Кто здесь помнит о таком незначительном факте?

– Это очень хорошая идея, господин, – сказал Черныш.

Помощник посла заметил, что нужно проверить, нет ли на оружии надписей наподобие «В память от Ухогрыза», не то может случиться конфуз.

– У Пнилла возникнет вопрос, как это Прекраснозловный мог послать ему подарок, находясь давным-давно в стране духов, – добавил он.

С этим никто не спорил – мысль здравая. Секиру проверили самым тщательным образом, но не нашли ни намека на гравировки или что-нибудь подобное.

– Уф, пронесло... – вздохнул, наконец, Талиесин. – Давайте выдвигаться.

– Мне тоже идти, господин? – спросил Черныш, переминаясь с ноги на ногу. – Я предпочел бы остаться. Тут такая библиотека! Несколько часов в тиши и сумерках...

Что дроу любят сумерки – это всем известно. Хлебом не корми их, дай только поторчать в каком-нибудь неосвещенном углу. И в темноте темные эльфы видят, что твоя кошка.

Талиесин поразмыслил.

– Ладно, оставайся. Думаю, тебе будет не слишком приятно торчать на задворках в компании королевской челяди.

– Очень мудро, посол. – Помощник не уставал делать реверансы.

– Идем! Нас ждут. Фиенс, вели снарядить кортеж, чтобы все честь по чести. Чтобы издали видели, кто едет!

– Он ждет вас во дворе, господин!

Виконт хмыкнул и вручил Фиенсу секиру.

– Да? Как ты, однако, быстр. Ну, хорошо. Оберни это в приличную тряпку, и двигаем.

Глава 7

Богато украшенная сбруя на лошадях, нарядные платья на тиндарийцах и изрядная доля торжественности – из этого, собственно, и состояла процессия, выехавшая из Посольской Слободы.

Путь ей освещало солнце. В его свете даже грязь под копытами лошадей казалась не такой грязной.

Талиесин, хотя и волновался, чувствовал себя на подъеме. Пускай варвары видят, с кем имеют дело. Тиндария – это вам не грязный килт стирать.

Впереди ехал Фиенс, сам посол за ним, а замыкали конное шествие трое слуг. Не ахти что, конечно, однако и это было поводом для гордости. Не хватало только знамени. Оно осталось на прежнем месте, украшая флагшток, торчащий из крыши посольства.

И все-таки без Черныша под боком Талиесин чувствовал некую пустоту. Наверное, даже уязвимость. Много лет они провели в компании друг друга, поэтому такая растерянность была для него простительна.

В общем, он крепился, храня на физиономии благородное спокойствие.

Прохожие, разумеется, на девяносто процентов варвары, останавливались поглазеть на процессию. Зеваки пихались локтями, что-то спрашивая друг у друга, и показывали зубы. Наверное, улыбались.

Проезжая через Старый Город, тиндарийцы повстречали брехливую псину неизвестной породы, которая облаяла их безо всякого уважения.

Крутясь под ногами у лошадей, она пыталась ухватить их за бабки, пока один из варваров, по виду недоросль, не угостил ее камнем. Пронзительным лаем пообещав отомстить, псина убежала в неизвестном направлении. Дальнейший путь прошел без эксцессов, а вскоре тиндарийскую делегацию начал нагонять гномий караван.

Подгорники из Эйвыроя ехали на трех повозках, груженных чем-то, что было укрыто холстиной, и пели песни. Всего Талиесин насчитал тринадцать гномов во главе с послом, Шонвайном Утрехтом.

– Приветствую благородных людей из Тиндарии! – закричал гном, размахивая колпаком, стянутым с плешивой макушки. Похоже, чрезвычайный и полномочный успел порядком нализаться. – Вы тоже на пирушку?

Коротышки загоготали, загомонили, засвистели, как банда разбойников.

Виконт поморщился. Гномы, считал он, существа малоцивилизованные, хотя и многого добившиеся на мировой арене. По сути же своей они остались дикарями, что и демонстрировали всем и каждому. Здесь, в Рыгус-Кроке, эйвыройские ребята не считали нужным выпендриваться и строить из себя принцев крови. Подобно варварам, бородачи орали, плевались и сморкались где ни попадя.

«С волками жить», – подумал посол, холодно улыбаясь и с неприязнью разглядывая гномью одежду.

В отличие от людей, те не стали наряжаться, вероятно, им и в голову такое не пришло. В целом компания весьма напоминала шайку головорезов с большой дороги, которая только что захватила обоз с добром.

Приличия требовали познакомиться. Талиесин следовал ритуалу, призывая на помощь все свое самообладание.

Тяжела все-таки посольская жизнь. Так и требует цацкаться со всяким отребьем...

– А видел Пнилову невесту? – проорал Шонвайн, обращаясь к виконту на «ты». Гном стоял на козлах рядом с возницей и удивительно ловко балансировал, учитывая, что колымага так и подпрыгивала на замаскированных грязью колдобинах.

– Нет, – вежливо ответил Талиесин.

– Офигильда – красавица! Бока – во бока! Глаза – во глаза! – Гном жестикулировал, изображая нечто, похожее на громадную глазастую тыкву.

– Я очень рад, – сквозь зубы выдавил Талиесин. Ему не было никакого дела до женских прелестей в варварском исполнении.

Посол Эйвыроя расхохотался и вместе с подчиненными затянул песню на родном языке.

Так вот весело они и ехали, привлекая всеобщее внимание и собирая толпы разномастного народа. Встречались в толпе и ландскнехты – расфуфыренные в пух и прах наемники, продающие свой меч за пределами Диккарии всякому, кто предложит побольше монет. Яркость и вычурность их одеяний просто резала глаза, особенно на фоне местного убожества и бедной в цветовом отношении гаммы окружающей обстановки. И этим ландскнехты гордились и ходили петухами, демонстрируя соплеменникам свое благополучие. Смотрели на них с завистью, что им даже нравилось.

Когда гномо-людская процессия выехала на то, что называлось Центральной Площадью, к ней присоединились кобольды. Сидели они верхом на пони в длинных пополах. Пони были злые и все фыркали на своих эволюционных родственников, вдобавок все время старались укунить ближайшего соседа. Лошади взирали на малявок с терпеливым снисхождением.

Кобольдов Талиесин тоже видел впервые. Походили они на гномов, только выше и шире их, косматые. Широкие спесивые физиономии, сизые носы, выдающие пристрастие к горячительному, мощные руки – таковы были их основные черты. И, в отличие от гномов, кобольды не были весельчаками. Из семерых представителей Патангирри лишь один попытался улыбнуться на очередную шутку Шонвайна, но его живенько поставили на место суровым предводительским взглядом.

А предводителем был богато одетый посол в расшитом золотом сюртуке и бархатном берете с пером. Своих он держал в железных рукавицах, считая, видимо, что главное – это дисциплина. С пони и их прирожденной вредностью он совладать не мог, но удивительным образом сумел построить их в подобие колонны. В ней лошадки шли словно на параде.

Звали посла-кобольда Рээш Кальмар, хотя вряд ли, на взгляд виконта, он имел отношение к обитателям морского дна.

Шума от гномов было много, но по мере приближения к дворцу короля Пнилла, общий звуковой фон праздника начал серьезно теснить голоса эйвыройских сорвиголов.

Свадьба короля – явление всегда и везде значительное. От нее подданные ждут чего-то необычного, в чем бы оно ни выражалось – будь то бесплатная раздача хлеба, швыряние монет в толпу или же послабление жесткого законодательства. Во всяком разе, так *точно* было в цивилизованных королевствах, и об этом Талиесин мог судить авторитетно.

Но что такое женитьба короля варваров в приближении (когда ты участник ее) – виконт и в кошмаре не мог себе вообразить. Подъезжая к могучим дубовым воротам дворца, виконт испытывал все те же чувства, что и раньше. Его интуиция ничем не помогла ему ощутить опасность, в противном случае Талиесин сбежал бы из Рыгус-Крока задолго до того, как ему вообще объявили о королевском приглашении.

С умеренно кислой и официальной физиономией подъезжал он к воротам дворца. Площадь перед ним была завалена народом. То есть, в буквальном смысле. Желających поглазеть на короля и его избранницу – вдруг да почтут простой люд своим присутствием! – оказалось больше, чем площадь была способна вместить. Учитывать нужно было и то, что, как минимум, гостям требовался беспрепятственный проезд в сам дворец. Здесь дружинникам нужно было напрячься – и они напряглись. Дюжие амбалы, особо отобранные для выполнения таких задач, оттесняли толпу к краям площади. А народ продолжал прибывать и напи-

рать. Возникла свалка. Варвары валились в грязь, вопя во все горло, и гора из тел росла с каждым мгновением.

В любом другом уголке мира население отнеслось бы к такой наглости со стороны военных с пониманием и дало бы растоптать себя в лепешку, но варвары жили в месте, где обычные правила не действуют.

Напор дружинников они расценили по-своему. Воинственность и извечное желание хорошей драки просто не могли оставаться в стороне.

В общем, варвары ответили страже хорошими тумаками. Потасовка, в которой участвовало несколько сотен громил, вспыхнула жарко и стремительно переросла в драку, охватившую всю площадь. Загремели черепа, по которым прогуливались кулаки и дубинки, захрустели кости, зарычали бешеные глотки. То и дело над массой дерущихся взлетал кто-то подброшенный и, весело болтая конечностями, орал нечто воинственное.

Когда вот такое существо, щелкающее зубами, как пиранья, пролетело над головой Талиесина, виконт понял, что дело труба.

Лошади испуганно заржали, дергаясь. Хотели убежать, но было некуда.

– Нас сомнут! – взвизгнул посол.

Куда ни посмотри – всюду побоище, грохот и треск костей.

Настоящая битва.

Волосы Талиесина поднялись дыбом. Дружинники не в силах были сдерживать разъяренных соотечественников. Пространство, оставленное для проезда послов, грозило сомкнуться в любой момент.

Мало кто хорошо соображал в тот момент. Только Шонвайн Утрехт, видно, малый опытный в ратном деле, а потому не потерявший головы, оказался на высоте.

Отпихнув возницу, посол засвистел, как ведьма, вылетающая из трубы, схватил вожжи головной повозки и заорал:

– Ну, залетные! Вперед! Давай, парни! За мной!

Лошади захрапели, чувствуя запах крови, и рванули вперед. Все, кто оказывался у них на пути, чувствовали потом себя не очень хорошо. Их либо отшвыривало в сторону, либо закатывало под колеса.

– Держись! – блажил гном, крутя кнутом над головой. – А-ха! Как в старые добрые! Мне бы секиру! За мной!

– Господин, едемте! – Один из слуг протянул руку и схватил виконта за локоть.

Ужас спал с Талиесина, как простынка, сдутая ветром.

– Пока мы можем прорваться!

Кобольды, пользуясь заминкой тиндарийцев, дали по газам и уже вовсю шпарили вслед за гномами. Кавалькада прокладывала себе путь в толпе, подминая под себя и дружинников, и дерущихся.

Люди оказались в самом конце. Талиесин правил лошадьёю из последних сил. Животина просто взбесилась, особенно после того, как ее обрызгали кровью и поцарапали чем-то заднюю часть крупа. Посол больше всего боялся, что вылетит из седла. Упав он, от него не останется даже мокрого места, так, всего лишь пятнышко на сапоге какого-нибудь верзилы.

Предположение было не так уж далеко от истины.

– Быстрее! – У самых ворот стоял, вероятно, командир дружины и махал лапищей. Несколько варваров со щитами обороняли въезд, не давая толпе прорваться во внутренний двор, и это, надо заметить, было нелегко.

Талиесин зажмурился.

Он уже ничего не хотел видеть после того, как мимо него пролетела чья-то оторванная голова. Ладно, пусть его порвут на части. Видно, судьбина такая...

– Господин! – услышал виконт голос того же слуги. – Торопитесь!

В общем, успели еле-еле, последними. Дружинники отступили с площади и сумели закрыть ворота, – но только после жаркой схватки на самом пороге.

Талиесин думал, что оглохнет. Удары о щиты и шлемы были, по его мнению, ужаснее некуда.

Он не верил, что избежал страшной смерти, до тех пор, пока не подъехал Фиенс.

– Дышите глубже, посол, – сказал помощник, – на вас лица нет.

– А?

Дворец (а на его взгляд просто громадная куча бревен) покачивался, как маятник. Посол сжал голову ладонями, пытаясь заставить здание остановиться.

– Мы уже... то есть мы того...

– Приехали, – подсказал Фиенс.

– Это всегда так бывает?

– Пнилл женится в первый раз. Но, учитывая, что короли меняются часто, можно сказать, и всегда...

– С ума сойти! – Талиесин вцепился в луку седла.

– Успокойтесь. Народ пошумит и перестанет.

Виконт не поверил ему на слово.

Из дворца вышла группа варваров – все по виду воины в клановой расцветке, в штанах. Стало быть, бульклинги.

– Клан Раздеруев, – пояснил Фиенс. – Приближенные Пнилла, его дружинники из руководящей прослойки.

Талиесин прислушался – не идут ли разъяренные толпы на штурм стены.

В ворота некоторое время колотили, проклятия сотрясали небеса, так что пыль сыпалась с дворцовой крыши, но вал народного возмущения уже спадал.

Теперь было понятно, зачем дворцу столь мощные укрепления. Отнюдь не только для отражения атак извне. Более всего королю, видимо, стоило опасаться собственных подданных.

Во дворе царил порядочный шурум-бурум. Гномы горланили, словно в кабаке, заранее поздравляя Пнилла и его избранницу, и варвары лыбились в ответ – им было приятно. Будь они стеснительными девушками, то заалели бы как маки.

Вместе с приближенными короля к гостям вышел громадный дикарь в длинной хламиде, сшитой из разных кусков. Шкуры, кожа, ткань – не было ничего, что бы нельзя было к ней присобачить, и потому он выглядел весьма экстравагантно.

На его лысой головенке сидело нечто вроде тиары, украшенной перьями орла. С шеи свисали целые гирлянды амулетов, бус и прочего. Талиесин заметил, что помимо фигурок из кости, сушеных лягушек, тритонов и голов нетопырей, на веревке болтались предметы, подозрительно напоминающие чьи-то уши и отрезанные пальцы.

Виконт подавил рвотный рефлекс.

– Кто это? – спросил он у Фиенса, подозревая, что, покончив здороваться с подгорниками, верзила подойдет к нему.

– Шаман. Жрец. Распорядитель церемоний. Чтец рун. Провидец, – ответил помощник, спешиваясь и отдавая слуге коня. – Говорун Кровожадный Чтец. Влиятельная личность...

– Это я уже понял, – пробормотал Талиесин, видя, как влиятельная личность, покончив с гномами, топает в его сторону.

Топает и заслоняет солнце.

Тиндарийская делегация, сбившись в кучку, стояла посреди двора под перекрестным огнем десятков взглядов. Варварам, конечно, было интересно, кто такой новый посол и на кого похож. От второго обстоятельства напрямую зависела продолжительность его жизни. Задохлики, как показывал опыт, долго в Диккарии не жили.

Первый осмотр убедил варваров, что Талиесин ничем не отличается от предыдущих, а потому не особенно интересен. Вот если бы Тиндария прислала сюда шкафа, гиганта, амбала, великана...

– Приветствую!

С головы посла чуть не сдуло треуголку, отороченную золоченой каймой. Волосы тиндарийцев заколыхались, а носы сморщились, протестуя против такого наглого вторжения. Запах от Кровожадного Чтеца шел просто убойный. Словно когда-то жрец искупался в драконьей крови, приправленной свиным жиром, и с тех пор не мылся ни разу.

Свита жужжащих мух сопровождала Говоруна повсюду. На нем они чувствовали себя как в мушном Элизиуме.

– Как доехали? – осведомился Кровожадный Чтец.

Талиесин задрал голову.

– Спасибо, хорошо.

– Отлично! – Говорун поднял бревнообразную руку, собираясь треснуть ею по плечу посла, но вовремя передумал.

У виконта душа свалилась на самое дно сапог.

– Э... Так ты, значит, и есть новый чрезвычайный и полномочный? – спросил колдун из самого своего нутра. – М-да... ладно. Всякое бывает.

Талиесин кивнул непонятно чему. Дышать он старался не очень глубоко, и это было трудно, однако еще более сложным представлялось не кривить физиономию.

Вонь была неопишуемая.

«И этот тип – влиятельная личность? Правая рука Пнилла? Как же тогда воняет сам король?» – в панике подумал посол.

– Я – Говорун Кровожадный Чтец. Мистический глас Диккарии. Шепчущий с богами и духами. – Варвар подмигнул. – Если захотите что-нибудь провидеть, обращайтесь. Наша магия не хуже любой другой.

Выдав это сомнительное, с точки зрения виконта, утверждение, жрец расхохотался.

– Ну, а ты?

Талиесин еле собрался, чтобы высказать все заготовленные для такого случая формулы. Сначала представился сам, потом толкнул речь об истории дипломатических отношений между Диккарией и Тиндарией, потом... Говорун прервал его, сказав, что это все и так ясно. Отношения между королевствами сейчас на уровне, и очень хотелось бы, чтобы так и было. Лично Пнилл заинтересован.

– Ага, – моргнул Талиесин. – А когда я могу вручить вашему королю верительные грамоты?

– Не знаю даже... Сейчас праздник начнется, пир. Там не до того будет... Но ведь всегда успеется, верно? – Снова гогот и ураган зловония. В пасть Говоруна можно было запихнуть целый дубовый пень.

У Талиесина потемнело в глазах, а желудок запрыгал, как мячик. Мухи, принадлежавшие свите Говоруна, феерично жужжали.

Виконт старался не смотреть на сушеные фрагменты амулетов, что висели на груди жреца, но проклятый взгляд сам тянулся к ним.

– Идемте. Нечего канитель тянуть, – предложил варвар. – Мой желудок требует хорошей жрачки и питья, после которых можно отлично опорожниться. Ты тоже хочешь этого?

– М-м...

Талиесин смог выдавить из себя только смущенное мычание.

Великан зашагал к центральному входу во дворец, в котором только что исчезли последние гномы и кобольды. Тиндарийцы, что поделать, последовали за ним. Ветер дул им

в лицо, и они могли вкусить жреческого смрада по полной программе, смакуя различные его оттенки.

«Прощай, жестокий мир», – подумал виконт.

Пытался он вспомнить какие-нибудь трагические стихи, но не получалось.

Пожалуй, еще ни разу с момента, как его карета пересекла границу Диккарии, он так не боялся. Ноги подгибались. В голове шумело, уши заложило. От амбре, исходящего Говоруном, бедолагу выворачивало наизнанку.

Входя в царство ужаса – то есть в древнюю резиденцию диккарийских королей, – Талиесин на всякий случай попрощался с жизнью.

Не забыл и про свою возлюбленную, что осталась на родине. Ойле виконт пожелал всего наилучшего и большого счастья в личной жизни. И уже если им не суждено быть вдвоем, то пускай...

– Крепитесь, – сказал неожиданно Фиенс где-то в районе правого уха посла.

Тот охнул, едва не свалившись в обморок.

– Хорошо, – пообещал он, но гарантий, конечно, не дал.

Пройдя через ту часть громадного бревенчатого здания, что лучше всего было именовать холлом, тиндарийская делегация вошла в тронный зал. Вход в него охранялся двумя бодрыми молодцами весом в полтонны.

У каждого – табельная дубина, которой можно, наверное, разнести в щебенку гору средних размеров. Лица... чтобы не рисковать психическим здоровьем, виконт не стал заострять на них внимание.

В зале стоял немыслимый гвалт. Король, его многочисленная свита, родственники невесты, почетные приглашенные из разных кланов и посольский контингент – все орали кто как мог.

Пиршество еще не началось, поэтому толпа так и этак прогуливалась вдоль и вокруг громадного стола, напоминавшего перенесенное сюда плоскогорье, и воображала себя на светском рауте. Кучка там, кучка здесь, плавные переходы с места на место, обсуждение сплетен и слухов, подтрунивание над знакомцами... – было ощущение, что публика из всех сил подражает традициям, принятым в лучших домах Тиндарии. Получалось, правда, из рук вон плохо и больше напоминало сходку базарных торговцев, чем королевское мероприятие.

– Немыслимо, – сказал виконт, семена вслед за Говоруном. Шаги того были широкими и тяжелыми.

– Ничего страшного, посол, вы привыкнете, – успокоил его Фиенс. – Когда-то я тоже очень боялся, но потом понял, что эта их неотесанность и стремление копировать цивилизованные обычаи совершенно безобидны.

Талиесин промолчал, уверенный, что не привыкнет к этому *никогда*.

– И что теперь делать? – спросил он так, что Говорун его услышал.

Жрец развернулся и указал куда-то в дальнюю часть тронного зала:

– Сейчас самый лучший момент, чтобы потолковать с королем. Пока он не напился и не стал буянить.

– А он буянит? – тоненьким голосом спросил посол.

– Еще как! – ухмыльнулся Кровожадный Чтец, став похожим на гризли со специфическим чувством юмора. – Немногие отваживаются пьянствовать в его компании, однако сегодня особый случай, так что не бойся.

«Успокоенный», Талиесин поплелся за варваром.

Зал был огромен. В нем можно было бы устроить музей и набить его чучелами самых больших драконов, мамонтов, мастодонтов и прочих, да еще бы место осталось.

Стены толстым слоем покрывали военные трофеи: щиты, мечи, копья, топоры, палицы, шлемы, кольчуги, доспехи из толстой китовой кожи. Виконт разглядел и что-то похожее на

боевые штандарты, причем некоторые из них – тиндарийские. Штандарты были полинялые от времени и траченные молью, следовательно, висели тут давно в качестве символа одной из давнишних войн.

«Ну, хорошо, хоть черепа моих родичей не развесили для коллекции», – подумал виконт.

Пол в зале застелили шкурами, самыми разными, от собачьих до тех, которые содрали некогда с белых медведей. Были и такие, что Талиесин опознать не мог, да и не хотел.

Главным украшением зала, безусловно, служила громадная башка морского дракона, приделанная почти к самому потолку над королевским троном.

Зверюга была знатная. Талиесин прикинул, что при жизни дракон без труда мог проглотить десяток эльфов его, посла, комплекции за один присест.

Стараясь отрешиться от ненужных подробностей, Талиесин повторял про себя текст заготовленной речи. К несчастью, большая часть слов и предложений перепуталась и не хотела возвращаться на место, сколько с ними виконт ни бился.

Исходя нервным потом, Талиесин вслушивался в крики и хохот. Так гости общались меж собой. Мирно. Что произойдет, если они подерутся? Если Пнилл Бычье Сердце начнет буянить?

Тиндарийцы, особенно новенький, привлекали внимание. Находясь под перекрестным обстрелом любопытных взглядов, Талиесин ощущал, как тело начинает чесаться. Не исключено было, правда, что виноваты блохи, проживающие в шкурах на полу, но проверить это виконт не мог. Этикет не позволял.

Король Пнилл стоял в окружении небольшой кучки варваров, одетых в полосатые штаны и дорогие одеяния из шкур и кожи. Дорогие, по местным меркам.

Главы различных кланов делали вид, что обсуждают серьезные вопросы, а сами исподтишка то и дело поглядывали на громадный стол, заставленный яствами.

Ненасытные утробы дикарей стонали от вожделения и переговаривались голосами не менее громкими, чем сами дикари.

У каждого вожака на шлеме имелись рога. Традиция соблюдалась строго и в этом случае, а о статусе рогоносца можно было судить по их величине.

Самое сильное впечатление производили те, что торчали из головы Пнилла. Талиесин пытался представить себе тура, которому когда-то они принадлежали, но его фантазия выбросила белый флаг. Рога были длиной не менее трех метров, изогнутые, словно коромысла, и просто чудовищные. Голова Пнилла под ними казалась крошечной, хотя это не сказывалось на величине его физиономии, особенно нижней челюсти, похожей на молот. В рот Бычьего Сердца без труда вмещался арбуз, и наверняка королю не составляло труда разгрызть его как яблоко.

Кровожадный Чтец подошел и не слишком любезно распихал вожаков кланов.

– Король, это наш новый посол из Тиндарии. Талиесин, кажется. Грамоты хочет вручить.

– О! – Пнилл был выше тиндарийца головы на три. Своей головы.

Чтобы лучше рассмотреть посла, королю пришлось наклониться.

Муха, отделившись от стаи тех, что осаждали Говоруна, попыталась залететь в разинутый рот виконта и не попала лишь по недоразумению.

– Ну, приветствую тебя, – сказал Бычье Сердце. – Как делишки? Уже освоился у нас?

Варвар протянул руку, и посол пожал его указательный палец. На большее собственной конечности не хватило.

– Спасибо, ваше величество, все хорошо. Я рад, что...

Пять минут потратил Талиесин, чтобы произнести свою речь. Умение говорить раньше было одним из главных его достоинств, однако сейчас оно куда-то подевалось. Рот словно кашей набили, обильно сдобрив ее клейкой патокой.

Варвары, стоявшие полукругом, словно титаны, стерегущие небесные чертоги, слушали бормотание виконта и переглядывались. Должно быть, принимали его за сумасшедшего. По их представлениям, разве может настоящий мужик лопотать, словно курица, да еще когда ничего не слышно?

Голос настоящего воина должен быть подобен вою шторма или, на худой конец, грохоту камнепада. А этот?

«Этот» краснел и сопел, чувствуя, что начинает заикаться.

Пнилл покачал головой и поднял руку. Король не услышал в общем гвалте ни одного слова, а если бы и услышал, то вряд ли бы понял.

– Все нормально, не волнуйся, – сказал он. – Сейчас начнется праздник. Я, в общем-то, сегодня женюсь.

Талиесин понял, в какую калошу угодил, и выдавил из себя улыбку. Варвары взирали на него словно на хромого кургузого щенка. С неподдельной жалостью.

– А еще вот, – пробормотал виконт, вручая Пниллу верительные грамоты, которые тот взял не без сомнений. Видно было, что великан просто не знает, что с ними делать.

Бычье Сердце вопросительно взглянул на Говоруна. Тот взял у него документы на дорожной белой бумаге, украшенные вензелями и печатями.

– С этим разберемся потом, – сказал жрец, засунув грамоты во внутренний карман своей благоухающей хламиды. – Ага! Самое время начинать праздник! – Кровожадный Чтец хлопнул в ладоши, заставив Талиесина подпрыгнуть.

– Постойте, мы хотим от своего лица преподнести подарок! – запищал посол. – Фиенс!

Помощник, до того стоявший с невозмутимым видом и изображавший статую, ожил и протянул виконту секиру, завернутую в кусок дорогой ткани.

– Вот, это в знак нашей дружбы... Так сказать, между Тиндарией и Диккарией, – пояснил Талиесин, пытаясь провалиться сквозь пол от стыда.

Пнилл взял секиру в руку. Для него она была что самый обычный топор, ни большая, ни маленькая.

– Хм, да не та ли это секира, что принадлежала Ухогрызу Прекраснозлобному? – Оружие рассекло воздух с гулом – неподалеку от головы Талиесина. – Здорово! Этим раскалывать черепа троллей еще интереснее будет!

Жжих! Талиесин едва уклонился от нового учебного взмаха.

Казалось, этой пытке не будет конца.

Но Говорун уже торопил. Секиры и экскурсии в прошлое Диккарии его мало волновали, его очень заботило возмущение родственников невесты, которые уже начали думать, что Пнилл затягивает праздник нарочно.

Уж не передумал ли?

Бычье Сердце поблагодарил Талиесина, сказав, что выберет время поговорить с глазу на глаз, без шума и пыли, и удалился в сторону стола.

Талиесин промокнул лоб платком. Ему казалось, его облили ведром воды.

Но, кажется, самое страшное позади.

– Пять минут позора и... – пробормотал виконт себе под нос.

– Идемте, посол, там наши места, – сказал Фиенс, потащив виконта к сектору стола, расположенному в непосредственной близости от королевской «ложи».

Это было нехорошо. А Талиесин-то надеялся оказаться подальше от Пнилла, когда тот начнет проявлять свою молодецкую удаль.

Гости рассаживались. Уровень шума значительно спал. Дело предстояло ответственное – впервые Офигильда, дочь Ворчлюна Ухайдака из клана Топорища, показывалась на публике в новом статусе: жены короля.

Глава 8

Говорун Кровожадный Чтец занял место возле трона, словно собирался сесть на него, и вооружился церемониальным посохом. Таким можно было производить массовый забой моржей.

Посох венчал чей-то ухмыляющийся череп.

– Итак, приветствуйте, гости. Приветствуйте и проникнитесь трепетом. Новая королева Диккарии, достойнейшая из дев, Офигильда Топорище, дочь великого вождя и хрюрла Ворчлюна Топорище, славного своими подвигами у Мыса Цукат и в Ущелье Злонравия, где были повержены армии Троллминга Левого!

Гости встали, изображая торжественность. Почитания на их лицах было довольно мало. Всем не терпелось приступить к обжираловке.

Говорун взмахнул руками, и боковые двери растворились, выпуская в зал небольшую толпу девушек, сопровождающих невесту. Они были в доспехах и при оружии. Все, кроме невесты, которой, видно, по такому случаю не полагалось даже дубинки.

Офигильду облачили в длинное платье, облегающее мощные формы, а длинные золотистые волосы заплели в две косы. Глядя на нее, Талиесин все гадал, в какой степени девица соответствует местным канонам красоты. Возможно, на сто процентов. Но по его, цивилизованым, ни на один. Слишком велика, слишком щедра плотью, слишком экзотична. К тому же, как все варварши – воительница, а виконт не любил, когда дамы изображают из себя отчаянных рубак.

Церемония тем временем катилась по утвержденному сценарию. Посол не очень понимал его смысл. Офигильда и ее товарки остановились и были окружены родственниками, которыми верховодил ее отец, страшный варвар Ворчлюн. Начались какие-то ритуальные переговоры, после чего Ухайдак повел свою дочь в сторону Пнилла, ожидающего свою суженую в компании дружинников и членов собственного Клана. Повстречавшись, стороны долго расшаркивались и произносили какие-то таинственные фразы. Ворчлюн, гордый тем, что настолько приблизился к власти, зыркал глазами в сторону гостей. Вот, мол, какие мы, породнились с Пниллом.

Продолжалось действо долго. Талиесин устал стоять и всерьез подумывал нарушить церемониал, шлепнувшись на стул.

– Приступаем к пиршеству! – заревел Говорун неожиданно, и посол чуть не взмыл к потолку.

По рядам гостей пробежал радостный ропот. Словно по команде, все заорали здравицу в честь молодоженов и разбрызгали по окрестностям некоторое количество вина.

Виконта облили первым делом, испортив его очередной костюм. Собираясь возмутиться, Талиесин быстро понял, что его в этом чудовищном оре просто не услышат и не обратят внимания.

Тогда он сел и мрачно уставился на свою тарелку. Она была громадная, как щит, вырезана из дуба и выдержала бы, наверное, удар боевого топора.

Фиенс уже накладывал на нее разные «вкусоности».

Виконт не сопротивлялся. То, что в цивилизованных государствах называется депрессией, навалилось на него как тонна булыжников. Жизнь стала – в самом мягком определении – совершенно не мила.

Помощник налил ему пива и посоветовал расслабиться.

Талиесин хотел спросить: «Как?»

Пнилл и Офигильда сидели в непосредственной близости от тиндарийской делегации. По виду – скромники, по сути – страшные свирепые создания. Невеста, как положено, опус-

кала взгляд и пыталась краснеть всякий раз, как гости принимались горланить что-нибудь в ее честь.

Потолки дрожали. В такт крикам псины, приближенные ко двору и околачивающиеся в зале в ожидании объедков, принимались выть. Их нервная система не выдерживала такого давления.

«Боги, дайте мне сил выдержать это», – подумал виконт.

– Нам оказали большое внимание, посол, – сказал Фиенс, наклонившись к его уху. – Мы сидим рядом с Пниллом. Почти рядом, наравне с членами клана Раздеруев и родственниками невесты.

– Это не радует, – признался виконт, – я бы предпочел здесь вовсе не быть.

– Держите хвост пистолетом, – подмигнул Фиенс и заставил Талиесина хлебнуть пива.

Тот ждал какого-то кошмарного пойла, но вместо того получил отличного качества напиток. Сам не заметил, как выдул и вторую кружку, и только тогда обратил внимание на еду. Желудок воспрял из небытия. Он ничего не имел против жаркого из моржатины и запеканки из картофеля, редиса и мидий.

Талиесин срубал порцию, даже не заметив. Отрыжка вырвалась из его утробы, и виконт машинально извинился. Правда, внимания на него никто не обратил – пирующие показывали куда большее пренебрежение правилами поведения за столом.

Чувствуя, как пиво бодро бежит по крови, виконт рассматривал гостей. Гномы были тут, их посол знал. Кобольды тоже – сбросили под влиянием пива свою мрачность и с хрустом и чудовищным чавканьем пожирали жареные кабаны туши, которые слуги еле успевали подносить.

Были и орки, посланцы варварской страны Головорезии. Посол присмотрелся – уж больно его заинтересовали эти личности.

Орки были могучими, сплошь состоящими из мускулов, большого роста и могли, пожалуй, составить конкуренцию и варварам. У каждого за спиной висел громадный двуручный меч. Посол Головорезии (Арбар, как потом выяснил виконт) к мечу добавил топор, которым только головы гигантским драконам сносить.

Орки ели словно... орки – будто сто лет маковой росинки во рту не держали. Уже через пять минут после начала пира их могучие торсы покрылись соусами и объедками. Кости и то, с чем лень было разбираться, орки швыряли собакам. И не только они – на собачью долю выпало сегодня просто невероятное количество еды. За нее даже драться не приходилось.

«Да, это тебе не прием в обители королей Тиндарии, где от куртуазности просто не продохнуть, – подумал Талиесин, глотая пиво и запихивая в рот куски отбивной медвежатины. – А может, так оно и надо?...»

Вскоре появились музыканты. Пятеро варваров с мордами отъявленных алкашей притащили барабан, две флейты, гусли и что-то вроде волынки. Уселась лихая пятерка, судя по настрою, готовая задать жару, на возвышении в северо-западном углу тронного зала.

– А ну, маэстры, гряньте нам что-нибудь!!! – проревел Пнилл Бычье Сердце, размахивая длинным шампуром, на который были целиком насажены жареные лебеди. – И чтоб повеселее!

Офигильда, до сих пор не произнесшая ни слова, захлопала. Могло показаться, что кто-то шлепает друг об друга двумя китами.

Маэстры грянули – так, что у Талиесина заложило уши, хотя он сидел далеко.

Дикая какофония звуков, не имеющих ничего общего с мелодией, заставила дрожать стены и ходить ходуном тяжелый, груженный едой стол. Вероятно, сам дворец попытался пуститься в пляс.

– Вот это да! – одобрил Пнилл, обнимая свою невесту за плечи.

Та потупилась, замахала длинными ресницами и вытащила из бадьи с окрошкой нечаянно окунувшиеся туда косы. А потом принялась сосать их концы. Не пропадать же добру.

Родственники невесты и другие дикари принялись подпевать, и у них, самое интересное, получалось. О чем повествовалось в песне, Талиесин не понял. Возможно, она считалась боевой, потому как боевитость просто пронизывала культуру Диккарии сверху донизу.

Оглушенный, виконт сидел и машинально заталкивал себе в рот трюфели в сладком соусе. В голове у него отдавались эти страшные звуки, словно в бочке.

В воздухе над столом летали кости и объедки. Собаки, обожравшись уже через десять минут после начала пира, лежали пузами кверху.

Вдалеке орки затеяли меж собой борьбу на руках. Гномы мерялись бородами. Кобольды что-то горячо доказывали друг другу, выставив в сторону собеседника пальцы.

Виконт икнул. Пиво его порядком пробрало. Реальность выявила склонность к размытию.

– Ну как тебе наш сходняк, а?

Чей-то глас, похожий на рев быка, ворвался Талиесину в левое ухо. Эльф посмотрел, что там, слева, находится.

А находился там варвар прямоугольных очертаний.

– Вы что-то сказали? – пискнул виконт. Он только сейчас заметил, что этот гигант – его ближайший сосед слева.

– Я говорю, впервые на нашей тусовке, да?

Перед Талиесином маячила громадная, как ему казалось, пасть дикаря, усаженная зубищами величиной с дом. Пиво (или то, что туда предположительно добавляли) что-то сотворило с его восприятием.

– Довольно оригинально, я бы так определил... Много новых впечатлений!

– Ага! – сказал варвар. Из-под его рогатого, как положено, шлема торчали волосы, растрепанные, как пакля. – Оригинально, не то слово! У вас поди в Фигандарии не так!

– В Тиндарии, – поправил Талиесин, хлебая из кружки. Становилось все веселее. – Совершенно не так...

Варвар забросил в себя половину кабаньей туши, с шумом прожевал и выплюнул с дюжину костей. Они упали на стол, кувыркаясь, словно угорьки на мелководье.

– Я – Бородульф Сожру Живьем, вождь клана Прибей! У меня своя дружина...

Талиесин не сразу понял, что с ним знакомятся, а когда до него дошло, пожал воителью указательный палец.

Хотя это и было в некотором роде унижительно для достоинства аристократа, виконт, как ему казалось, начал привыкать.

Посол знал назубок свои регалии, титулы и мог перечислить всю собственность, что была закреплена за ним согласно правилам наследования. То есть, это была *вся* собственность Эпралионов, ибо Талиесину выпало быть единственным прямым потомком этой фамилии.

– Так ты, выходит... король у себя в стране! – проревел Бородульф, наклоняясь к нему для лучшей слышимости.

Барабанные перепонки Талиесина едва выдерживали.

– Не-е... Король наш раз в несколько богаче меня или кого-нибудь из высшей аристократии!

Варвар уважительно покачал головищей. На его месте любой просто загнулся бы от зависти.

– Я много плавал по морям и многим королям оторвал бошки, но твой, похоже, круче всех!

Талиесин был полностью согласен.

Их неспешную беседу, которая, по сути, превратилась в обычную кабацкую болтологию за кружкой, прервало чье-то тело. Оно с грохотом плюхнулось на стол перед собеседниками и завопило, дергая руками и ногами.

Талиесин присмотрелся. Оказалось, это один из музыкантов. Маэстро.

– А ну-ка, вали отсюда! – Бородульф Прибей поднялся, схватил работника культуры за шиворот, поднял и зашвырнул в дальний конец тронного зала.

Маэстро, завывая, словно выпь, врезался в военные трофеи и очутился на полу.

– О чем мы говорили? – Хрюрл серьезно разлил пиво по кружкам.

Виконт начал себя чувствовать настоящим варваром.

– Мы? Мы того... этого... Что-то там про моря... – проикавшись, сказал посол.

– Ага, моря! – обрадовался любимой теме Бородульфа. – Так вот, плывем мы однажды...

...Свадебный пир вступил в самую свою громкую стадию.

Гномы затеяли драку сначала между собой, потом, решив, что это не очень интересно, наехали на кобольдов. Те были не прочь размять кулаки. Обе стороны наплевали на дипломатические тонкости и принялись мутузить друг дружку чем ни попадя.

Те из варваров, кто еще не вырубился или не впал в боевое безумие, начали делать ставки, кто победит: гномы или кобольды.

Дворец раскачивался, но все еще стоял. Ему было не привыкать. Видел он и не такое.

Орки из Головорезии пока держались особняком – очень уж их увлекало поедание запеченных на углях целых морских котиков. Занятие это поглотило рубак без остатка.

– ...а мы не остановились, даже когда эти троллье отродье перегородило нам ущелье... – повествовал Бородульф, чертя обмакнутым в соус пальцем на столе какие-то таинственные схемы.

Что-то пролетело над их головами.

Виконт сунул в рот целого жареного цыпленка и попытался разгрызть его целиком, поварварски. Не смог. Хрюрл долго и с хохотом колотил посла Тиндарии по спине, пока все, что залетело тому в дыхательное горло, не вышло наружу.

Лилово-синий, Талиесин попытался сказать «спасибо», но дыхания по-прежнему не хватало.

Кислородное голодание заставило его-таки немного полежать в обмороке.

Пришел в себя виконт от энергичного сотрясения. Кто-то пытался выдернуть благородные кости из положенных пазов. Талиесин вскрикнул и тут же понял, что так Бородульф пытается привести его в чувство.

Знаками он показал, что все нормально. Его посадили на место и вручили новую кружку пива.

Пирушка все больше напоминала пожар в борделе, где к тому же временно разместили незадолго до несчастья сотню сумасшедших и питейное заведение.

Гномы и кобольды устлали пол своими телами. Словно поверженные воители на поле битвы, они лежали среди обожравшихся собак, костей и объедков. Наверное, и постанывали – но никто этого не слышал.

Музыканты, те, что остались в строю (двое), продолжали исполнять свой долг. Словно затеяв с ними соревнование, некий скальд, вооруженный волынкой, устроился неподалеку от короля и дул изо всей силы в свой инструмент. Звуки, один ужаснее другого, рвались из недр волынки, и ни у кого просто не было шансов составить ему конкуренцию.

Бородульф что-то говорил. Виконт смотрел на короля, который любезничал со своей благоверной. Фиенс исчез без следа. На его месте осталась только небольшая лужица чего-то неопределимого.

– Понимаешь, брат, когда ты становишься хрюрлом, а потом и вождем, на тебя сваливается куча обязанностей, – жаловался на судьбу Бородульфа. – Да... Никакой тебе сво-

боды. Только и следи за охламонами, чтобы не перепились раньше времени, чтобы добычу не заныкивали...

Талиесин слушал с умным видом, хотя понимал все меньше.

На какое-то время он отключился, а когда пришел в себя, узрел замечательное зрелище.

Стол сдвинули к трону, чтобы освободить побольше места в середине зала. Гномов, кобольдов и собак стащили в угол и нагромодили кучу-малу, чтобы не мешали.

– Это чего такое? – спросил Талиесин, еле двигая губами и мозгами.

– А, Офигильда решила размяться, – сказал Бородульф. – Пивко с мухоморами в голову ударило...

До эльфа доходило долго, почти десять минут, в течение которых он имел счастье наблюдать, как громадные дружинники Пнилла летают по залу, словно пуховые подушки.

Слышались могучие удары, похожие на те, какими бог-громовержец колошматит своим молотом по дождевым облакам. Это Офигильда отвешивала своим противникам оплеухи. Каждая такая повергала бывалого воителя оземь, словно это и не бывалый воитель, а тиндарийский аристократ.

Дружинники налетали со всех сторон, действуя на пределе возможного. Орали, рычали, словно бросались в бой с троллями, но королевской невесте это было как мертвому припарки.

На глазах у посла она так двинула варвару по зубам, что вышибла их практически все и даже кулак не поцарапала, а бедняга, прошедший немало сражений, пробил стену дворца и приземлился где-то снаружи.

– погоди, – сказал Талиесин, – тут надо разобраться...

– А чего разбираться? – гукнул хрюл. – Офигильда – известная драчунья. Мало у кого есть шансы уложить ее на две лопатки. Удалось только Пниллу... Иначе бы она за него не пошла.

Виконт поморгал.

«Уложить на обе лопатки...» – это выражение, имеющее хождение в среде тех, кто посвятил свою жизнь насилию (воинским искусствам, в частности), он трактовал по-своему. Как бабник и любитель постельных приключений.

– Будь она мужиком, то стала бы величайшим воином в истории, – сказал Бородульф мечтательно. – Хотя, может, и так станет, как баба. Я тоже по ней сох, пытался ухаживать.

– И? – Талиесин держался за кружку пива, только она не давала ему стечь под стол.

– Офигильда заехала мне промеж глаз молодым дубком, который вырвала из земли. Целый месяц я потом сыпал искрами из глаз, – произнес хрюл. – Так я понял, что я ей не пара... Ну, выпьем за встречу!

Тост этот провозглашался уже раз двести.

Понюхав пиво, Талиесин вспомнил, о чем собирался спросить:

– Ты сказал, что там мухоморы?

– Где? А! В пиве? Да. Варится с добавлением настойки из самых свеженьких, – сказал варвар. – Зуб даю, такого больше ты нигде в мире не попробуешь.

Талиесин сидел, словно прибитый гвоздями к скамейке.

Офигильда тем временем расшвыряла дружинников, пытавшихся навалиться на нее всем скопом. В стене прибавилось дыр.

«Жаль, Черныш не видит. Ему бы целый том «Очерков» этому посвятить!»

Пнилл Бычье Сердце, Ворчлюн Ухайдак из клана Топорище и другие родственники и знакомые королевы с умилением поглядывали на Офигильду.

– А для чего мухоморы? Я всегда думал, они ядовитые, – сказал виконт, тряся кружкой.

Бородульф посмотрел на него удивленно:

– Ну, это кому как...

– А тиндарийцам?

– Ну, если помрешь, Пнилл тебя похоронит с почестями. Он это любит. В смысле, хоронить.

– Гррххх... – Талиесин закрыл рот двумя руками и вытаращил глаза. – Бмрххх...

– Ты чего, посол? – Варвар участливо склонился над ним.

– Где можно... брх... поблевать? Только быстро!.. – Голос, вырывавшийся из желудка Талиесина, был так пропитан страданием, что Бородульф содрогнулся.

Громадина вскочила, подхватила одной рукой нового друга, словно он был не тяжелее котенка, и бросилась наутек.

Дружинники свистели у него над головой, но вождю Прибеев удалось избежать столкновения. Он выскочил во двор, размокший от дождя, и швырнул посла на землю. Тут же понял, что перестарался, и поднял его, убеждаясь, что бедолага не склеил лапы.

А бедолага извергал из себя выпитое и съеденное. Смачным благоухающим фонтаном оно оросило серую грязь, добавив в нее праздничный оттенок.

– Мамошка... – прохрюкал Талиесин на грани обморока.

– Ничего, брат, все образуется, – пробормотал державший его за шкуру Бородульф. – Слабоват ты, ничего не скажешь...

Охранники, приставленные ко дворцу, сидели под навесом в десяти шагах от памятной сцены и меланхолично закусывали свежим салом.

Поняв, что уже некоторое время Талиесин не шевелится и обвисает, словно мокрая гномья борода, варвар потряс его и решил все-таки отнести обратно в тронный зал.

Потеха продолжалась. Очухавшиеся гномы и кобольды, а также присоединившиеся к ним орки из Головорезии, затеяли свою потасовку. Им подыгрывали гости, делающие ставки, кто кого быстрее вырубит. Единственным правилом в новоизобретенной игре было – не использовать оружие.

Впрочем, крепкие кулаки причиняли урон не меньший.

Талиесин очнулся минут через пятнадцать и понял, что вконец окосевший от пива с мухоморами Бородульф повествует ему о структуре власти в Диккарии.

– ...раз в три года собирается Большой Тинг, на котором решаются всякие там вопросы... Выборные землюки представляют эти... интересы своих избирателей... Есть на Тинге и вожаки кланов. Законы там принимают, решают тяжбы, – а это уже в ведении особого суда, который выбирается в первый день Тинга...

Талиесину всучили новую кружку, которую он безропотно выдул, невзирая на то что уже знал жестокую правду.

– Самое главное – Тинг выбирает короля на следующий срок. Три года. Если ты король и тебя выбирают снова, если, значит, тебя не прибили и тобой довольны, будешь править еще... – В задумчивости Бородульф хлебал окрошку прямо из большого чана. – Знаешь, моя мечта – стать королем. Ну, хотя бы разик побыть. Я все-таки вождь и могу выдвигаться...

Талиесин слушал внимательно, как может только пьяный в хлам субъект. Слова проплывали мимо его ушей и падали в вечность, порождая широкие завораживающие круги. Были они почему-то психоделически-фиолетовыми. Вероятно, из-за мухоморного концентрата в пиве.

Подключившись в очередной раз к сиюминутным событиям, Талиесин увидел, что Бородульф ковыряется в пасти зубочисткой. Какой-то уж слишком красивой, почти парадной, инкрустированной драгоценными камнями... Минуточку! Виконт вытаращил глаза. Он узнал в зубочистке варвара свою собственную шпагу. Семейную реликвию. Можно сказать, величайшее сокровище рода Эпралионов. Которая теперь употреблена...

Мир окончательно расфокусировался. Утомленный пиршеством организм бывалого выпивохи решил, что с него довольно, и погрузился в состояние, сильно смахивающее на кому.

Глава 9

Пропал тронный зал, пропал Бородульф Прибей («По прозвищу Сожру Живьем», – напомнил себе виконт), пропал король и его боевая невеста. Все они казались миражом, ночным кошмаром... – и была надежда, что, проснувшись, Талиесин увидит себя лежащим в собственной кровати на собственных шелковых простынях в собственном поместье на берегу Элквирии...

«Ох, хорошо бы, – подумал он, погружаясь, как это принято у напрочь отрубившихся гуляк, в черную бездну. – Ойла! Я бы поспешил к тебе на крыльях ветра!»

Он так и сделал, а через несколько мгновений уже обнимал возлюбленную, заключал ее в жаркие кольца своих рук и постанывал от удовольствия.

Ойла сообщила виконту, что отвергла притязания короля и решила остаться с ним. Ее любовь к нему, оказывается, все это время просто не знала границ и томила в оковах условностей. Но вот этот день настал: прекрасная дева сделала свой выбор.

– И пусть, – сказала она, глядя на Талиесина горящими глазами, – пусть злые ветры судьбы дуют над нами, пусть даже сдувают – мы будем вместе!

– О да, любимая! – простонал виконт.

– Если даже тебя приговорят к изгнанию, я отправлюсь с тобой, – добавила Ойла, жарко дыша Талиесину в лицо.

– О да, любимая!

– Если тебя приговорят к четвертованию, я лягу на эшафот вместе с тобой!

– О да, любимая!!! Что?... О нет, надеюсь, до этого не дойдет!..

Ойла посмотрела на возлюбленного с обожанием и принялась вылизывать его лицо.

Длинный влажный язык начал со лба, перешел на глаза, обследовал нос, а потом нашел, что рот-то вкуснее прочего.

Эта утонченная ласка сбила Талиесина с толку, и поначалу он только мычал и хихикал. Он и не знал, что Ойла такая проказница.

– Лапочка, – сказал виконт и открыл глаза.

Собачья морда пыхтела ему в физиономию, самозабвенно работая языком. Закрыв глаза от блаженства, псина, с которой посол обнимался на полу, кажется, позабыла обо всем на свете.

«Так это сон, что ли? Сон? Где Ойла? Боги, демоны и духи! Где я?...»

Правду осознал Талиесин не сразу, но довольно быстро для эльфа, намереваясь накачавшегося до бессознания дикарским пивом.

Он лежал среди объедков и дрыхнувших собак в какой-то вонючей комнате. Без треуголки, без шпаги, без сюртука, грязный, словно измерил вчера уровень загрязнения всех выгребных ям Диккарии.

Собака, которой он выказал столько невольного внимания, облизнулась и склонила голову набок.

«Ну, чего дальше, красавчик?» – словно спрашивала она.

Здесь Талиесин не утерпел. С диким воплем он вскочил и помчался куда глаза глядят. Пробил дыру в двери, выскочил, без сапог, в другую комнату, гораздо больше первой, споткнулся и приложился передней частью тела об пол.

Было очень больно, однако именно боль помогла послу Тиндарии трезвым взглядом взглянуть на действительность.

Виконт подумал, что тут произошло сражение между двумя армиями. А может, не двумя, а тремя или четырьмя. Гномы, кобольды, варвары и орки лежали как попало среди раскиданного оружия – мечей, дубин, щитов, сорванных со стен.

Талиесин застонал. Он *абсолютно* ничего не помнил о вчерашней свадьбе и пиршестве, так что ужас бедолаги понять было можно.

Поднявшись, посол запрыгал в сторону выхода. Те могучие тела, через которые перемахнуть было невозможно, он просто огибал, следя, чтобы не наступить на очередной меч, щит или обглоданную кость.

Совершенно выбившись из сил, тиндариец добрался-таки до запертых дверей тронной залы. Кто-то закрыл створки снаружи и не хотел открывать ни за какие коврижки. Талиесин бился в прочное дерево, пока не потерял сознание, а когда очнулся, заметил, что дыр в стенах хватает и через любую из них вполне можно вылезти. Большая часть отверстий была странной формы – словно какой-то шутник нарочно вырезал их в форме человеческих фигур.

Поглядев на одну такую, растопырившую руки и ноги, Талиесин на всякий случай ущипнул себя за локоть.

Мир, в котором он оказался, был, мягко говоря, странным.

«Ладно, главное вылезти, а там – бежать. Неважно куда!»

Едва он ухватился за край дыры, намереваясь подтянуть свои мощи повыше, как снаружи раздались голоса и кто-то сказал:

– Открывайте, мне нужно видеть моего господина!

– Черныш! – взвизгнул виконт, отчаянно борясь со слезами. – Я тут! Я тут!

Голос дроу стал еще более требовательным. Охрана дворца тупила с утра пораньше вполне сообразно варварской традиции.

Запирающий снаружи двери засов громилы подняли и отбросили в сторону, после чего раздался скрип и Черныш вбежал в залу.

Увидев ползущего к нему на четвереньках господина, дроу посерел от ужаса.

– О духи Черного Древа! Что с вами? Вы...

Ответить Талиесин не мог. Тяжкое испытание подточило его силы – телесные и душевные. Пуская пузыри, он попытался объяснить, что не знает, где он и кто, собственно, он.

– Эй, вы, – повернулся к охранникам Черныш, – принесите холодного пива!

– Только не пива! Нет!

Виконт предпринял попытку к бегству, но дроу быстро сшиб его с ног и придавил к полу. Талиесин уже нахрюкивался до белой горячки, так что слуга точно знал, что делать.

– Тогда чего-нибудь очень холодного! – сказал Черныш варварам. – Шевелитесь! Или хотите, чтобы посол Тиндариин умер у вас на глазах?

Охранники раздумывали. Вопрос, хотя бы они или нет, серьезно взволновал их неискушенные мозги. Черныш понял, что они могут воспринять его слова как провокацию, и сообщил, что король будет весьма недоволен, если с Талиесином что-нибудь случится.

– Мамочка! – взвизгнул Талиесин, когда самый дюжий варвар поднял его с пола и понес во двор, чтобы усадить на лошадь.

Оказалось, это не так просто. Виконт брыкался, как свежепойманная рыба, не желающая смиренно лежать на разделочной доске.

И уже на лошади в посла влили литр клюквенного морса, принесенного из ледника.

Черныш сел верхом.

– Господин, мы едем домой! Причин для беспокойства нет!

Тот взглянул на него большими глазами:

– Ойла превратилась в собаку!

Это Талиесин сообщил слуге шепотом, а потом еще покивал, чтобы дроу ни в коем случае не вздумал сомневаться, – ведь он, виконт, сам видел это...

Черныш ничуть не удивился. Года два назад Талиесин перебрал на вечеринке своего приятеля, барона Ваддага Слема, так его пришлось привязывать к кровати и вызывать чаро-

дея-целителя. А там было простое вино, лишь немногим по крепости уступающее средне-статистическому.

Фиенс сказал, что в традиционном диккарийском пиве обязательно содержится мухоморный экстракт.

Что ж, эта новость не позволяет смотреть в будущее с однозначным оптимизмом. Если Талиесин привыкнет к нему, кто может сказать, что случится дальше? Виконту грозит окончательное съезжание с катушек.

– Передайте королю наши искренние извинения, – сказал Черныш, хватая поводья Талиесиновой лошади.

Варвары-охранники важно кивали. Передадут, передадут.

– О-го-го! Зырь, а! Какие у меня большие пальцы... ы!

Выставив руку перед собой, Талиесин рассматривал ее, словно впервые видел.

– А! О-у! Руки... руч-чки-и-и...

Дроу бросил на господина очень недовольный взор.

Не предполагал он, что господин предстанет перед варварами в таком непотребном виде.

– Если Пнилле будет угодно видеть посла, то он сможет сделать это не раньше сегодняшнего вечера! Так что еще раз наши извинения!

Черныш ударил лошадь пятками, и та прыгнула к воротам. Вторая коняга побежала следом, и вскоре обе скрылись на грязных просторах Рыгус-Крока.

– Как думаешь, этот малый трубочист? – спросил один стражник, ковыряясь в левом ухе.

– Наверняка, – ответил второй. – Раз есть трубы, должны быть и трубочисты.

– Но на его месте я бы не стал появляться в приличном обществе с такой мордой. Я бы умылся.

– Я бы тоже, – согласился первый.

Черныш гнал лошадей так быстро, как мог. Стремясь увезти виконта подальше от любопытствующих взоров, дроу даже забыл, что оставил во дворце некоторые предметы хозяйского туалета.

В конце концов, подумал он позже, сейчас это абсолютно неважно. Главное – вытащить Талиесина из этого двусмысленного положения.

Таковым, по крайней мере, оно казалось дроу, мыслящему цивилизованными категориями. Но он ошибался. Конный марш-бросок по улицам Рыгус-Крока, конечно, привлекал внимание прохожих, однако дело было не в виконте. Хотя люди из цивилизованных стран здесь до сих пор почитались в качестве экзотики, но что тут такого? Кто из тех, кто живет в столице Диккарии, не впадал с перепою в белую горячку? Чушь. Но сама суета и фонтаны грязи, вздымавшиеся из-под копыт и окатывавшие каждого встречного-поперечного, служили поводом к вниманию и неудовольствию.

Черныш понял это слишком поздно – когда обнаружил, что за ними гонится небольшая разъяренная толпа.

Впереди бежали пятеро ландскнехтов. Варвары, разодетые в яркое, богатое и чистое (когда-то), были до крайности возмущены, что какие-то паршивые задохлики окатили их жидким дерьмом, и намеревались объяснить Чернышу, насколько крупную ошибку он сделал.

За ландскнехтами бежали личности менее чистые и модные, но такие же разъяренные. В лапах у них сверкали орудия убийства. Наиболее распространенным был меч, покрытый пятнами ржавчины.

Подумав на секунду, не остановиться ли для переговоров, Черныш пришел к выводу, что лучше не надо. С переломанными костями Талиесину будет достаточно трудно исполнять обязанности чрезвычайного и полномочного, поэтому дроу только прибавил ходу.

Касательно самого Талиесина, то всю дорогу он балансировал на грани падения. Особенно на поворотах. А узрев толпу линчевателей, принялся хохотать и жестикулировать. Толпа восприняла невинную шалость посла как знак несомненного издевательства и побежала быстрее, швыряя на ходу кусками свиного навоза и комками грязи.

Один комок прилетел виконту в физиономию и чуть не вышиб из седла. Черныш в ужасе поддал газу.

Через Старый Город тиндарийцы пролетели как молнии. Погоня начала выдыхаться. Особенно удачным было падение самого расфранченного ландскнехта. Он шмякнулся на пузо в самое вонючее месиво, и о него начали спотыкаться бегущие сзади. Уже через мгновение образовалась воющая и рычащая куча-мала.

При всем желании варвары погоню продолжать не могли, и это позволило Чернышу оторваться.

По Посольской Слободе лошади пронеслись как Дикая Охота. Чуть не сшибли гномов, устроивших совещание под открытым небом, и, не слушая протестующих криков, влетели на территорию тиндарийского посольства. По счастью, ворота были распахнуты.

– Господин Фиенс! – крикнул Черныш. – Привез!

Помощник посла уже спешил по желтой дорожке к воротам. При виде лица Талиесина, почти неразличимого под слоем грязи и свиного навоза, а также одежды, от которой осталось одно название, Фиенс принялся тяжело вздыхать.

– Нужна горячая ванна, – сказал дроу, когда совместными усилиями они стащили виконта на твердь земную. – И вино, красное. Я приготовлю на его основе коктейль. Он всегда приводил господина в порядок.

Подлетели слуги, и пускающего слюни Талиесина транспортировали в здание.

– Разденьте его и положите в кровать!

– Я и не думал, что он так... – сказал, почесывая лоб, Фиенс. – То есть даже не предполагал... Хм...

– Мой хозяин склонен злоупотреблять выпивкой, – признался Черныш. – И все бы ничего, но это пиво...

Помощник посла снова почесался.

– Ему придется привыкнуть. Мы, конечно, покупаем вино у гномов, даже со скидкой, но все равно, его недостаточно и отнюдь не все оно доходит с караванами до Рыгус-Крока. Земли вокруг дикие. Поэтому довольствуемся местными напитками – и это в основном пиво. Самогон и брагу брать вовсе не советую, там, помимо мухоморов, куча разных трав, от которых у всякого неварвара может свернуть мозги набекрень.

Черныш мрачно подумал о неприятностях, что ожидали тиндарийское посольство в будущем.

– А есть пивовары, которые обходятся без этих... специфических добавок? – спросил он.

– Есть, но они дерут втридорога, – вздохнул Фиенс. – В Диккарии все не по уму. В других государствах существует целая индустрия, работающая только на потребности дипломатических корпусов: мастерские одежды, цеха по производству разной провизии, лавки с определенным ассортиментом и тому подобное. На этом делают немалые деньги, но варвары, видимо, до сих пор не прониклись этой идеей. Слыть торгашом для них не очень престижно, – но дай только до потери пульса помахать какой-нибудь острой железкой. Так что мы выкручиваемся как можем. Переплачиваем за элементарное. Подолгу ждем грузов из родных пределов. Одним словом, сплошные неприятности.

«С запросами виконта нам будет трудно», – подумал дроу.

– Но скажите, почему вы вчера ушли с пира? – спросил Черныш, пройдя шагов десять до здания. – Мне казалось, что если вы поехали с послом, то должны были дожидаться конца мероприятия и сопроводить обратно.

Фиенс улыбнулся, как тип, давно ждавший каверзного вопроса:

– Признаюсь, я бросил его. Но это была проверка. Прежде всего, для варваров: насколько они ценят жизнь и здоровье нового посла, а это немаловажно в свете отношений между государствами.

Черныш не совсем понял, что именно собирался проверить Фиенс. Или кого.

– К тому же мне вдруг сделалось плохо, – добавил помощник. – Переел, наверное, запеканки. Я пытался сказать виконту, что вынужден уехать, но он меня не слушал и активно общался с хрюлом Бородульфом Прибеем. Кажется, они нашли общий язык, и это радует... В общем, терпеть я больше не мог и ушел. Конечно, предварительно принес извинения Пниллу. Король заверил, что все будет в полном ажуре.

Дроу не разбирался в дипломатических тонкостях. Он предоставил их Фиенсу, однако продолжал придерживаться собственного мнения. Оставлять Талиесина в незнакомой обстановке было нельзя.

Да он и сам хорош! Не его ли долг следовать за господином повсюду и вытирать ему нос даже во время смертельного поединка?

Черныш пообещал себе, что больше такого не повторится.

Провались Талиесин хоть в мрачные бездны царства Хель, он последует за ним...

Дроу нашел виконта лежащим в одной ночной рубашке на кровати. Настроение у посла было самое что ни на есть радужное.

Слуги суетились, готовя горячую ванну. Она стояла возле окна и источала облака ароматного пара. Из кладовой вытащили все, потребное для принятия традиционного аристократического омовения. Одних благовоний насчитывалась дюжина.

Убедившись, что посол ведет себя пока что смирно – лежит с блаженной улыбочкой на устах, – Черныш отправился готовить коктейль. Старинный рецепт дроу, основу которого составляло красное вино, всегда эффективно возвращал виконта в строй. Лишь бы нашлись нужные ингредиенты.

Глава 10

Очнулся Талиесин спустя пять часов. Все это время – после ванны и прочищающего и успокаивающего разум снадобья Черныша – он дрях как сурок.

На этот раз ему ничего не снилось. Он витал в крошечной тьме и чувствовал себя воздушным шариком, вспарившим в ночные небеса.

Однако память постепенно возвращалась. Открыв глаза и немало поразившись тому факту, что находится *не* дома, Талиесин ощутил холодную дрожь в желудке. Значит, все правда! Чувства не обманывают. Это не мираж. Не кошмар наяву.

Талиесин закусил кулак.

Он в Диккарии. В посольстве. В городе, самом гнусном за всю историю мира. Самом вонючем.

От страха посол натянул одеяло до самого носа и некоторое время лежал как бревно. Тишина царствовала в его комнате. От нее звенело в ушах и почему-то хотелось чихнуть.

В конце концов, виконт дал волю рефлексу – и даже подскочил на матрасе. Чих несколько взбудрил, но не сумел развеять туч, что висели над душой виконта.

Черныш, словно дежуривший под дверью, появился в ту же секунду.

– Как спалось, господин? Хорошо?

Талиесин сел. Голова была пустая, как горшок. Ничто не мешало в деталях рассмотреть свежереанимированные воспоминания о вчерашнем пире...

Дроу поднес господину на серебряном подносе освежающего морса, холодного и, судя по всему, сваренного из клюквы и брусники.

Тот выпил автоматически, потом передернулся. Щелк! Какая-то дополнительная деталь внутри встала на положенное место.

– Ну, говори начистоту, Черныш, – сказал Талиесин, отдышавшись. – У нас война? Война? Варварские армии уже наступают на Тиндарию? Куда они успели дойти?

– Успокойтесь, господин. Никакой войны нет.

– Нет? Но я же вчера... Разве напиться в дюбель на королевской свадьбе и валяться с собаками на полу – не преступление? По-моему, ясно, что после всех моих подвигов Пниллу ничего не остается, как только объявить...

Черныш поднял обе руки:

– Могу вас уверить, вы ошибаетесь... Вряд ли ваши, как вы выразились, подвиги произвели на кого-нибудь впечатление. Скорее всего, о вас вообще забыли где-то на середине праздничного банкета.

– Да? – с надеждой спросил виконт, покусывая край одеяла.

– Я успел заметить, какой разгром был в зале, – сказал Черныш, раскладывая на тумбочке возле кровати господина новую чистую одежду. – Там была драка?

– Вроде бы... Гномы подрались с кобольдами... Потом с орками, потом, кажется, все стали дубасить всех... – Глаза Талиесина стали большими – устрашающие воспоминания настойчиво лезли в голову. – Слушай, Черныш, я вот сейчас думаю, как мне повезло! Меня не убили, не размазали по стенке, а ведь каждый из гостей мог это сделать одной левой... Уф! Спасибо Бородульфу.

– А кто это?

– Хрюрл. Бульклинг. По его словам, герой, легенда. Из клана Прибей. У него три драк-кара, и однажды он заплыл аж за Тухлый Хребет... не знаю, что это, но, вероятно, сделать это не так-то просто. Короче, он заплыл.

– И вы с ним подружились? – осведомился Черныш.

– Подружились? Не-ет. Мне – дружить с дикарем? Но сам ведь знаешь, как бывает на пьянках – двое прилепятся друг к другу и весь вечер изображают, что они миллион лет знакомы, а наутро, если выживут, вообще обо всем забывают. Надеюсь, Бородульф меня забыл. – Виконт помотал головой, пробуя вытряхнуть из нее неудобные воспоминания.

Самое неприятное, заставляющее краснеть даже перед самим собой, было о собаке. Это же надо так нарезать, чтобы принять псину за свою возлюбленную!

И вряд ли его извиняет то обстоятельство, что пиво содержало мухоморный экстракт.

Черныш еще некоторое время поутешал господина, а потом ушел по хозяйственным делам. На его место заступил Фиенс, почти торжественно внесший в спальню посла толстую папку с бумагами.

– Что это? – дрожа, спросил Талиесин.

– Дела, что накопились за то время, пока Родина не послала сюда нового представителя.

Помощник воззрился на виконта взглядом, полным служебного рвения. Виконту сделалось дурно.

– Кое-чем я занимался сам, так что вы только просмотрите отчеты. Остальное – на вас, ибо ваш статус обязывает, – сказал Фиенс, кладя на письменный стол стопку документов. – Пора приниматься за дело.

– Какое?

– Укреплять связи между двумя государствами.

Виконт закусил край одеяла, чтобы ненароком не признаться, где и при каких обстоятельствах он желал бы видеть вышеупомянутые связи.

– На завтра у вас уже назначены встречи. Гномы, кобольды, орки. Представители различных цехов и гильдий Диккарии.

– А чего им всем надо?

– У всех свой интерес. Торговцы, к примеру, хотят таможенных послаблений, урегулирования вопросов с пошлинами, выработки единых стандартов, путешественники мечтают обзавестись дорожными документами, чтобы беспрепятственно ездить через Тиндарию... А вот ландскнехты, к примеру, интересуются, нельзя ли поступить к нам на службу. Продать свой меч, по их выражению.

– И все это должен решать я?

– Именно. Ибо вы – чрезвычайный и полномочный!

«Лучше бы король меня четвертовал. Мне бы уже давно все было до сальной свечки!»

Талиесин выдавил из себя улыбку:

– Хорошо, Фиенс. Я очень постараюсь сегодня просмотреть все бумаги, а завтра, надеюсь, с вашей помощью, начну проводить встречи. Боюсь, без вашего опыта мне не обойтись.

– Всегда рад помочь! Всегда рад! – Фиенс поклонился. – Если что, зовите меня. Если возникнут вопросы.

– О, разумеется! Я мигом. Встану, оденусь – и к делу!

Талиесин широко улыбнулся. Помощник посла, довольнешенек, выскочил за дверь.

Виконт утер пот со лба и с тоской невыразимой поглядел на стопку бумаг.

«Мне не разобраться с этим и за год... И вообще, спрашивал ли меня кто-нибудь, хочу ли я этого!»

Талиесин немного подергал себя за волосы, а потом, в знак протеста против несправедливости, лег и накрылся одеялом с головой.

«Гори оно все синим пламенем!»

Часть вторая

Глава 1

Стены подземелья сочились водой, словно были сделаны из губки. Вода скапливалась на неровном полу и хлюпала под ногами идущих.

Высокий, мощный, как все настоящие воины Диккарии, шел позади, второй, поменьше и посуше, нес чадающий факел и освещал дорогу.

Воняло под землей ужасно – так охарактеризовал бы здешнюю атмосферу Талиесин и даже менее взыскательный неварвар. Даже орк из Головорезии. Но Хрясь Большестрашный, глава клана Водохлебов, находил этот запах очень приятным. Да чего уж там – просто великолепным!

Тут, без сомнения, сказывалась наследственность. Водохлебы принадлежали к чморлингам, и многие поколения жили в недрах гор, занимаясь угледобычей и прочими прелестями подземного бытия. Запах моря большинству сухопутных был неприятен. Хрясь же считал, что он отвратителен; его воротило, едва он улавливал слабый отголосок легкого бриза. Вот то ли дело спертый воздух под землей – такой густой и щекочущий нервы, словно это дракон напускал тут ветров после сытного обеда. Это настоящая жизнь, это счастье.

Хрясь оправдывал свое прозвище – Большестрашный. Его физиономия подошла бы под определение «абсолютное безобразие», и даже среди самых некрасивых варваров Диккарии он выделялся не в лучшую сторону. Захоти кто-нибудь устроить конкурс на соответствующую тему, Хрясь победил бы всех одной левой.

Одевался вожак клана Водохлебов как положено чморлингу. Главным предметом его туалета был килт в горизонтальную полоску, и носил он его с гордостью, полагая себя настоящим сыном этой гордой и суровой земли. Негоже варвару плавать по морям, словно он паршивая рыба или баклан. Настоящий варвар должен жить в пещере. И это не обсуждается... А кто придумал штаны и делает из них культ, просто предает Величие Предков! Король, например. Потому что бульклинг. Остальные тоже – Хрясь мог наизусть перечислить всех «отступников», которых многие годы мечтал наказать за предательство...

Мысль о Великом Возвращении к Корням занозой сидела в мрачной душе Хряся. Денно и ночью – с тех пор, как стал главой Водохлебов – размышлял он над этим и все больше убеждался, что именно на него боги возложили непростую и опаснейшую миссию.

«Кто, если не я? – думал вожак. – Все остальные погрязли в роскоши, набивают брюхо и ни о чем не думают. Забыли, кто они! Предатели! Никому нет дела до того, во что превращается Диккария... Ха! Поганный вертеп, где власть потихоньку прибирают цивилизантики и гномы. Виданное ли дело – еще двести лет назад любой варвар при встрече с исконным врагом сносил ему башку и пировал его еще бьющимся сердцем! А сегодня, о будут прокляты эти дни! Сегодня тиндариец и гном пируют на свадьбе короля – вот до какого племенного унижения дошли мы!»

Этот и подобные ему внутренние монологи звучали в голове Хряся почти без остановки. Буквально во всем он выискивал признаки упадка и разложения. Облака дождевые набежали – ерунда, раньше они были куда дождевее; лошадь лягнула в зад – слабачка, вот раньше лошади лягались так, что ты успеваешь лишь понять, что пролетел полстраны и вот-вот рухнешь в болото; король женится – чушь, вот раньше были такие женитьбы, что сам континент содрогался от тостов в честь повелителя отчаянных головорезов...

Хрясь стукнулся лбом о выступающий из потолка камень, и его мысли рассыпались, как горох. Большестрашный проморгался. Он забыл, что в ста метрах от входа свод туннеля становится ниже.

Варвар, несший факел, остановился, ожидая приказаний.

В последние дни любой мог заметить, что Хрясь стал какой-то странный. Взгляд его плавал неизвестно где, а изо рта нет-нет да и вырывалось неразборчивое безадресное бормотание.

Стучак почесался под своим килтом. Блохи, освеженные подземельной душной атмосферой, усилили свою жизненную активность.

Вождь потер ушибленную репу. Надо было все-таки натянуть какой-нибудь шлем.

– Ничто не встанет на пути героя, жаждущего справедливости... – туманно и патетично проворчал Хрясь и ринулся вперед, наклонив голову.

Стучак указывал дорогу, хотя оба знали, куда идут, и заблудиться не могли при всем желании. Чморлинги не способны заплутать даже в самых запутанных подземных лабиринтах – такова уж их природа. Но факел добавлял визиту Хряся солидности. Вождь все-таки, а не конюх.

Туннель все длился. Потолок становился ниже. И вот когда даже низкорослому Стучаку пришлось идти, склонив голову, перед ними появилась дверь.

– Во имя подгорных духов, стучи, Стучак! – прорычал Большестрашный.

Мелкий забарабанил. Стук породил в недрах земли глухое эхо.

– Да открыто! Открыто! – приглушенный скрипучий голос донесся из-за двери. Было слышно, как его хозяйин, точнее, хозяйка, сплонула с досады.

Первым в пещеру протиснулся Стучак, вторым, проклиная все на свете, вождь Водохлебов.

– Чтоб тебя, Дрянелла! Почему надо было селиться в этой дыре? – накинулся на единственную обитательницу грота Хрясь.

– Под землей дела темные, дела судьбоносные легче делаются. Магия варваров сильнее там. То есть здесь, – ответила колдунья, прыгая вокруг котла с кипящей водой.

Дым стелился по пещере, но часть его уходила в трещины в потолке, так что разглядеть можно было почти все. Стучак в ожидании приказаний отошел в сторонку и сел на камень. Здесь он чувствовал себя неуютно.

– Да я не против, – сказал Хрясь, подходя к Дрянелле. – Но можно было сделать вход пошире и туннель повыше.

Колдунья – кривое сторбленное существо с длинным носом и нечесаными лохмами – повернула голову и сверкнула желтым глазом. Хламида, что висела на Дрянелле, не поддавалась никакому описанию, но на ней очень элегантно висели пришитые суровой ниткой крысиные хвосты.

– Легко войти – легко и ворваться, – проскрипела старуха, выставив в сторону Водохлеба палец с кривым, истинно ведьминым когтем. – И навредить старой больной женщине. Много недругов есть у меня, вождь.

Хрясь в этом ничуть не сомневался. Профессия Дрянеллы сама по себе не предполагала большого числа почитателей, а учитывая страсть колдуньи к пакостям, немало было тех, кто с удовольствием пустил бы ей кровь. Если бы нашел. И если бы не испугался порчи и тому подобного.

Колдунья усмехнулась, взяла длинную палку и принялась помешивать в котле.

Из котла поднимался столб пара, пахнувшего какими-то горьким травами.

Большестрашный огляделся. Пещера была самым настоящим ведьминским логовом, содержащим все необходимые для производства темного волшебства атрибуты.

Варвар нервно почесался. Ни разу не было так, что, придя сюда, он не испытал дрожи, словно какой-нибудь сопляк. Позорище! Ему-то чего бояться, ведь они с Дряnellой союзники...

В тысячах склянок, стоящих на полочках, содержались экзотические, редкие и часто просто ужасные ингредиенты.

По словам Дряnellы, в некоторых были снадобья, вываренные из новорожденных. Они якобы позволяли перемещаться по воздуху на дальние расстояния без помощи традиционного помела. А еще всякая гадость вроде пюре из печени нетопыря, ресниц пауков-птицеедов, фекалий скорпионова дракона-трехлетки или содержимого носа ботаника-заучки...

Хрясь содрогнулся, стараясь не показать своего страха. Сама атмосфера пещеры действовала на него подобным образом. Чувствовал он себя как после папашиной выволочки, коих в детстве получал в изобилии и по любому поводу.

– Ну, так чего? – громко спросил Большестрашный.

Дряnellа словно не замечала его и пялилась в глубину бурды, что варилась в котле. Котел стоял посреди пещеры, на металлических распорках, и под ним горел огонь.

– Что ты узнать хотел, о вождь клана?.. – Дряnellа сипела, словно простуженная водосточная труба.

– Я про наше дело! – сказал Хрясь. – То самое, ты знаешь. Я пришел за ответом. Ты обещала, что сегодня, когда там твои звезды встанут на нужное место!.. Так что говори и не мешкай!

Дряnellа захихикала и, хромая, начала передвигаться вокруг котла. Одна нога у нее была короче. Или другая длиннее. Неважно.

– Чего смешного? – разъярился вождь.

– Нетерпелив ты. В том, что ты задумал, терпение, между тем, одна из главных добродетелей.

– Накласть мне на добродетели! – сжал кулачищи чморлинг. – Мне нужно сжить со свету Пниллу и его прихлебателей!

– Тише! Тише! – Колдунья сделал несколько пассов.

– А что? Нас разве могут услышать наверху? – Хрясь посмотрел на потолок и ничего там такого не нашел.

– Наверху – нет, но все равно... Тайна выболтанная слабой становится, и всегда ухонайдется, в котором ей приют будет дан... – Дряnellа многозначительно взглянула на Хрясь и взяла с низкого, выдавшего виды стола ступку, где лежал заранее растертый порошок из трех разных ингредиентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.